

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Поле боя

Катарсис

Василий Головачев

Поле боя

«ЭКСМО»

1998

Головачев В. В.

Поле боя / В. В. Головачев — «Эксмо», 1998 — (Катарсис)

Удел свидетелей тайных операций чаще всего – смерть. Единственный шанс выжить – это атаковать самому. Тем более когда опыт, силы, мастерство и поддержка друзей на твоей стороне. Бывший полковник ФСБ Егор Крутов – не просто свидетель, а один из участников уничтожения секретной лаборатории по производству психотронного оружия, поэтому охота на него разворачивается по всем правилам. Однако с Человеком Боя, Витязем, владеющим воинским искусством и укрепленным верой в добро, справиться не так – то легко. Его полем боя с воинством Сатаны становится Россия...

© Головачев В. В., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

МОСКВА	5
ВЕТЛУГА	14
АЛТАЙ	26
ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНИЯ,	33
ВЕТЛУГА	44
АЛТАЙ	57
ОСТАШКОВ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Василий Головачев

Поле боя

МОСКВА МОРОЗОВ – ЗУБКО

Капитан спецподразделения «Витязь» антитеррористического управления ФСБ Константин Морозов получил кличку Кока за своеобразный чубчик, напоминавший казацкий оселедец времен Запорожской Сечи. Шел капитану всего двадцать восьмой год, однако успел он к этому рубежу закончить Рязанскую воздушно-десантную академию, полтора курса юрфака Высшей школы милиции, пройти четыре войны – в Абхазии, в Карабахе, Таджикистане и Чечне и приобрести опыт, далеко превышающий средневозрастной.

Жизнь антитеррористического отряда была настолько сурова и плотно забита событиями, что редко кто из «витязей» имел семьи. Не составлял исключения в этом плане и Кока Морозов. Иногда он, конечно, знакомился с девушками и некоторым из них даже нравился, но дальше знакомств дело не шло: девушки не жаловали кавалера, способного исчезнуть без предупреждения не на день-два, а на три-четыре недели и больше. Любимым же видом развлечения Кости в свободное время было вырезание из дерева различных фигурок. Практически все его коллеги из группы «Витязь» имели такие фигурки – медведей, волков, лосей, бегемотов, крокодилов и прочих представителей животного мира.

О том, что произошло в Брянских лесах под Жуковкой в начале августа, Костя начал задумываться сразу же по прибытии в Москву. Командир группы подполковник Зубко, раненный в ходе операции («тренинга на натуре», как было доложено начальству), приказал всем молчать, но желания докопаться до сути от этого у Кости не убавилось. Дождавшись возвращения Александра из госпиталя, озабоченный Кока заявился к подполковнику домой – жили все члены группы на территории военного городка в Митине. К этому времени главных вопросов у Морозова набралось семь:

Что за контора пряталась в лесах под вывеской секретной воинской части?

Чем она занималась на самом деле?

Каким боком оказался втянутым в ее дела бывший командир «Витязя» полковник Крутов?

Кто и почему взорвал весь комплекс с центральным зданием лаборатории, так что от него ничего не осталось?

Что за люди помогли «витязям» выбраться из этой мясорубки живыми и невредимыми?

Что такое «глушак», которого Крутов посоветовал бояться как огня и стрелять в любого, кто применит этот самый «глушак» в бою?

И, наконец, куда после всех разборок делся Крутов?

Зубко выслушал подчиненного по службе и друга по жизни внешне спокойно, предложил глотнуть водочки, а когда Костя отказался, кивнул и заговорил:

– Ты не первый, кого это заинтересовало. Но самое удивительное в том, что ни один из этих вопросов мне почему-то не задало начальство! Это вот как понимать?

– Да хрен с ним, с начальством, – пожал плечами Морозов. – Хотя, конечно, странно. Что же, ни директор, ни Рюмин, ни Воскобойников не заинтересовались, где мы «тренировались»?

– В том-то все и дело, Кока. Складывается впечатление, что они знают, что произошло на самом деле, но получили приказ дело замять, а нас не трогать. Что это означает, я не знаю, но хорошего ничего не жду. Лукич действительно втянул нас в грязную историю.

Костя кругами походил по комнате подполковника, обставленной по-спартански: кровать, стол, два стула, тумбочка и телевизор, – сел на кровать.

– А если бы ты знал все заранее, что, отказался бы помочь?

Александр усмехнулся.

– Я – нет, я слишком многим ему обязан, но вас попытался бы отговорить. Впрочем, дело сделано, теперь-то уж чего? Поживем – увидим, как будут развиваться события. Но предчувствие у меня скверное.

– Могут снять?

– Если бы только снять – это еще полбеды, не расформировали бы всю команду. Водку почему не пьешь?

– Завязал, потребляю теперь только пиво, да и то по праздникам. Ты не темни, не увиливай от ответов.

Зубко глотнул водки, поднес к носу соленый огурец, понюхал и с хрустом откусил.

– Я не увиливаю, просто не знаю всего. Знаю только, что в лесах пряталась секретная лаборатория третьего управления ФУМБЭП, баловавшаяся психотронными игрушками. «Глушак», о котором предупреждал Лукич, это их последняя разработка – генератор подавления воли или что-то в этом роде. Об НЛП – нейролингвистическом программировании – что-либо слышал?

– Ну это же... медицинский термин, – Костя пошевелил пальцами, – методы психологической обработки...

– Вот лаборатория этим и занималась, создавала технические системы НЛП, а как далеко забралась, можно только догадываться, если ее не пожалели взорвать к чертям со всеми работниками и оборудованием.

– Зачем?

– А ты не догадываешься? Чтобы не произошло утечки информации.

– Тогда я вообще ничего не понимаю! Нас-то почему выпустили оттуда живыми?

– Благодаря коллегам из военной контрразведки. Если бы не полковник Федотов, остались бы от нас в Брянских лесах только рожки да ножки.

– Так это контрразведчикам спасибо надо сказать за то, что мы живы? – Константин почесал затылок. – Ну и компот! Они-то как там оказались?

– Работали по профилю, – невнятно сказал Зубко, хрустя огурцом.

Морозов внимательно посмотрел на его лицо, подсел к нему, положил локти на стол и, придвинувшись ближе, тихо произнес:

– С кем же мы воевали, Сашка?

Взгляд Александра стал угрюмым.

– А вот этот вопрос ты больше никому не задавай... если не хочешь лишиться языка... а то и головы.

– Так серьезно?! – Морозов присвистнул. – А все-таки?

Зубко помолчал, налил себе еще водки, выпил залпом.

– Лаборатория охранялась подразделением Российского легиона. А кому пришла в голову идея создать Легион и для каких целей, – можно только гадать. Но это птица очень высокого полета, судя по вложенным средствам.

Костя подумал, подвинул к хозяину рюмку.

– Налей и мне.

Выпил, закусил огурцом, пожевал хлеба.

– Ты всерьез говорил о расформировании группы? Это слухи или реальные разработки?

– Чистого расформирования не будет, грядет, как говорится, «структурная реорганизация» подразделения. Марата переводят в управление разведки, Серегу вообще в МЧС, Воху в опергруппу «Альфа». Вместо них нам добавили трех бывших пограничников.

– Зачем?

Зубко посмотрел на Костю исподлобья, покривил губы.

– Для усиления.

Морозов кивнул, понимая чувства командира. Ни одно элитное подразделение силовых структур и спецслужб в стране по мобильности, мощи, тренированности и опыту не могло сравниться с «Витязем», не нуждающимся ни в какой «структурной реорганизации». Идея начальства «усилить» группу говорила больше о каких-то планах ее развала или медленного переподчинения. В начале девяностых годов такое уже случалось с аналогичным соединением КГБ «Альфа», не восстановленным в полной мере до сих пор.

– Да-а, подставил нас Лукич, – пробормотал Морозов после уничтожения бутерброда с красной икрой. – Ты не знаешь, где он сейчас? Куда подался из Брянских лесов?

– В Нижегородскую губернию он подался, есть там такой городишко – Ветлуга.

– Чего это его понесло именно туда?

– Как я понял, там живут дальние родственники его женщины, Елизаветы. Неделю назад он звонил оттуда, но где и как устроился, не сказал.

– Зачем звонил?

– Просил кое-что выяснить.

Костя подождал продолжения, не дождался, напился холодной минеральной воды и поднялся.

– Пойду прогуляюсь. Порыбачить не хочешь?

– Спать буду, устал я от всего. Одно дело – быть рядовым «витязем», совсем другое – руководить. Лукич умел это делать без напряжения, я еще не научился.

– У тебя все впереди, не психуй. Пока.

– Пока.

Костя вышел из общежития, погулял по спортгородку, поглядывая на вечеряющее небо, уговорил себя собраться на рыбалку, благо речка Старка текла в границах городка, но порыбачить не успел – началась тревога. Группу «Витязь» срочно бросали по вызову итальянского посольства: тройка террористов захватила машину с итальянским дипломатом и его подругой и требовала стандартный «джентльменский» набор: десять миллионов долларов и беспрепятственный вылет в одну из ближневосточных стран.

* * *

«Витязи» действовали по давно разработанному сценарию, не один десяток раз прокрутив «на натуре» подобную ситуацию: вооруженные пистолетами и гранатой террористы сидят в машине, накинув на шею заложнику-мужчине тонкую бечевку и прикрываясь телом заложницы. Еще памятен был прецедент с освобождением шведского дипломата в декабре девяносто седьмого года, когда в результате несогласованных действий спецназа погиб полковник Соловьев, один из создателей и первых руководителей легендарной «Альфы». К сожалению, «альфовцы» тогда сработали из рук вон плохо, а «витязей» к участию в операции не допустили из-за корпоративного чванства и ревности – они были из другого ведомства, хотя и занимались антитеррористической деятельностью. Федеральной службе безопасности команду «Витязь», состоящую из одних офицеров, переподчинили только в августе девяносто восьмого.

Захват итальянского дипломата произошел у ограды Пятницкого кладбища со стороны Первой Мытищинской улицы. Что там делал советник Паоло Пазолини вдвоем с дамой в десять часов вечера, можно было только догадываться, но факт оставался фактом: сейчас в его «Мерседесе» сидели трое террористов, вооруженных пистолетами и гранатой, которую они грозились взорвать в случае «неправильных» действий правозащитных органов. Террористы заставили дипломата связаться с посольством и потребовали выкуп. Первоначальная сумма

равнялась одному миллиону долларов, но ко времени высадки «Витязя» она увеличилась в десять раз. То ли террористы одурели от наркотиков, то ли обнаглели от сознания собственной значимости, заставив съехаться к месту похищения чуть ли не все московские спецподразделения по борьбе с терроризмом.

Прибыв на место происшествия, Зубко развернул группу за четверть часа, проанализировал ситуацию и доложил генералу Рюмину, ответственному за исход переговоров от Федеральной службы безопасности, о готовности «витязей» к проведению операции. Рюмин, ожидавший прибытия особо важных персон – секретаря Совета безопасности Валягина и первого вице-премьера, буркнул подполковнику: «Ждите», – и отвернулся к работникам итальянского посольства, шокированным происходящими событиями. Зубко взял под козырек и отошел, прекрасно зная манеру генерала вести дела.

Потянулись минуты ожидания. Прибыл Валягин, затем вице-премьер Козлов с группой высокопоставленных чиновников российского МИДа, директор ФСБ, министр внутренних дел. Переговоры затягивались. Наконец террористы заявили, что, если в течение получаса им не принесут требуемую сумму, они начнут отрезать у дипломата и его женщины пальцы, уши и выбрасывать из машины. Тогда Рюмин подозвал Зубко и отдал приказ начинать операцию.

– Пусть ваш работник отнесет им деньги и попытается уговорить их освободить заложника, – сказал он Зубко.

– Какого? – поинтересовался подполковник, имея в виду, что заложников двое.

– Дипломата, – отрезал Рюмин. – Женщина не относится к категории особо важных лиц. Если не получится – начинайте свои танцы. Как поняли?

– Разрешите выполнять? – вытянулся Зубко.

– Выполняйте, – буркнул генерал, отворачиваясь.

– Костя, – окликнул Морозова по рации Александр. – Подойди.

Капитан, готовивший группу «последнего броска» за оградой кладбища, проверил связь со снайперами и рысцой подбежал к толпе чиновников, топтавшихся вокруг вице-премьера и директора ФСБ в трехстах метрах от места инцидента, на Второй Мытищинской улице.

– Переоденьте его, – приказал Рюмин, оглядывая «киборг» Морозова, делавший капитана похожим на космонавта или инопланетное существо. – Не стоит пугать террористов такими нарядами.

Косте пришлось снять спецкостюм, накинуть на бронежилет рубашку и пиджак, надеть галстук. Ему вручили «дипломат» с деньгами и вмонтированной в него рацией, и, облившись холодным потом, чувствуя легкий эйфорический звон в голове, Морозов отправился к машине, навстречу неизвестности. Вопреки приказу генерала он договорился с Зубко не предпринимать никаких «действий по обстоятельствам», просто передать доллары, оценить вооружение и готовность бандитов к отпору и быстро отойти назад. И все же капитану было не по себе, хотя ситуаций, подобных этой, он пережил немало.

«Мерседес» Паоло Пазолини стоял носом к ограде кладбища между двумя ржавыми гаражами-«ракушками». Ограда здесь делала изгиб влево, улица – вправо, в результате чего образовалась небольшая площадь размерами тридцать на сорок метров, с единственным фонарным столбом на противоположной стороне улицы. Фонарь горел, но освещал площадь плохо. Ни деревьев, ни кустов, ни каких-либо строений или машин на площади не имелось, и местность была открытой как со стороны улицы в пределах видимости, так и со стороны кладбища. Атаковать террористов в лоб было бессмысленно, и Зубко расположил «витязей» таким образом, чтобы они были не видны из-за гаражей. Время от времени один из террористов вылезал из машины, прикрываясь итальянцем, оглядывал улицу справа и слева от себя, за гаражами, но каменный бордюр, на котором была установлена металлическая решетка кладбищенской ограды, все же позволил оперативникам подползти ближе, почти вплотную к «Мерседесу», а на преодоление ограды им требовалось всего несколько секунд.

– Мы высылаем человека с деньгами, – проревел милицейский мегафон.

– Пусть поднимэт руки и идот мэдлэнно, – ответил голос с заметным кавказским акцентом. – Мы его отпустим, как только бюджет вэртолот.

Костя пошел медленней, чувствуя на себе взгляды десятков людей, среди которых были и очень-очень недобрые, поднял левую руку над головой, вдруг пожалев, что не взял с собой оружия. Все-таки лучше всего в сложившейся ситуации действовать внезапно, используя самый мизерный шанс, который мог появиться в любой момент, и нейтрализовать террористов до того, как они отважатся стрелять. Крутов поступил бы, наверное, именно так, мимолетно подумал Костя, надеясь, что первыми открывать огонь террористы не рискнут.

– Стой! – окликнули его из машины, когда до «Мерседеса» оставалось шагов двадцать. – Открой партфэл!

Морозов остановился, щелкнул замками «дипломата», показал содержимое – аккуратно уложенные пачки стодолларовых купюр. Наступила пауза. Террористы рассматривали «дипломат» в бинокль. Неизвестно, какую опасность они увидели в фигуре парламентаря, но реакция их была почему-то истеричной.

– Нэ подходи! – завопил главный переговорщик бандитов, разговаривающий с акцентом. – Убэритэ его! Застрэло! Пускай подойдет ихний посол! Давайтэ вэртолот!

– Возвращайся, – пробубнила рация в ухе Морозова голосом подполковника. – Что-то их испугало.

Костя повернулся было, но в этот момент услышал еще чей-то голос, утробно-гулкий, заволаживающий, раздавшийся прямо в голове, как бы в глубине черепа:

– Иди и освободи заложников! Это приказ!

Морозов хотел сказать: «Я же не взял оружия!», но вместо этого снова повернулся, как сомнамбула, и пошел к «Мерседесу», переставляя ставшие деревянными ноги.

Зубко, наблюдавший за капитаном в панорамный ночной бинокль, первым догадался, что с ним что-то не так. Бросил в микрофон рации:

– Костя, назад! В чем дело?! Очнись! Возвращайся!

Морозов продолжал идти, и толпа начальников разного ранга, ответственных работников правительства и МИДа, затихла, затаила дыхание, не понимая, что происходит. Не удивился лишь Валягин, знавший о вмешательстве в операцию контролеров Легиона. Замолчали и террористы, ошеломленные на несколько мгновений наглостью парламентаря. Действовать они начали, когда расстояние между «Мерседесом» и капитаном сократилось до десяти шагов.

Дверца машины открылась, один из террористов вытолкнул из кабины молодую женщину и, прячась за ее спиной, выстрелил в дорогу перед Морозовым.

– Убью, тихарь! Брось партфэл! Уходи!

Морозов замедлил движение, но продолжал идти, словно не слышал ни выстрела, ни крика. Бандит выстрелил еще раз, и одновременно Зубко показалось, что прозвучал второй выстрел – со стороны ближайшего дома. Костя сделал шаг, другой и упал лицом вниз.

Установилась пугливая, полная внутреннего драматизма и напряжения тишина. И, пользуясь секундным замешательством, Зубко скомандовал:

– Вперед!

Все остальное произошло в течение десяти секунд.

Прятавшиеся за бордюром ограды подрывники «Витязя» двумя специальными зарядами направленного действия взорвали решетку, одновременно взрывая перед «Мерседесом» светозвуковую гранату, чтобы ослепить и оглушить террористов, отвлечь их внимание. Снайперы, давно выщеливавшие бандитов в машине, спустили курки, попав двум, сидевшим на переднем сиденье, в головы: два выстрела – два трупа. Оперативники «последнего броска» мгновенно нырнули в проделанные в ограде «окна» и выросли слева и справа от «Мерседеса» в тот момент, когда оставшийся в живых террорист с гранатой пытался вытолкнуть из кабины ита-

льянца. Сделать он это не успел. Один из «витязей» выстрелил ему в ухо, а второй, зажав рукой кулак с гранатой, одним ударом ножа отрубил бандиту кисть и перебросил ее через ограду вместе с гранатой. Взрыв гранаты, упавшей за одну из могил, вреда никому не причинил.

Операция закончилась.

Зубко подскочил к Морозову раньше своих начальников. Хмурые спецназовцы, поднявшие забрала шлемов «киборгов», расступились. Александр склонился над Костей, которого успели перевернуть на спину, лицом вверх, увидел открытые глаза, струйку крови, перечеркнутую висок и щеку, подsunул ладонь под голову друга и поднес к глазам окровавленные пальцы.

Морозов был убит пулей в затылок. А это означало, что в него стреляли не бандиты, а кто-то еще. Снайпер. Может быть, из своих. Тот выстрел со стороны жилого дома подполковнику не почудился.

* * *

– Ну что я могу сказать? – проворчал Сергей Алексеевич, штатный патологоанатом «Витязя», низенький, толстенький, в очках. Вытер руки полотенцем. – Пуля попала в затылок и застряла в лобной кости головы, смерть наступила мгновенно.

– И это все? – угрюмо осведомился Зубко, глядя на тело Морозова на каталке; в морге было холодно, и Александра охватил ледяной озноб.

Патологоанатом пожал плечами.

– В принципе все. Стрелял мастер, калибр пули девять миллиметров, масса шестнадцать и две десятых грамма, стреляли...

– Из «винтореза», – закончил Зубко.

– Совершенно верно, голубчик. Очень чистая работа. – Да уж. – Александр закрыл лицо убитого простыней, пошел к двери. – До свидания.

– Э-э, подполковник, – окликнул его Сергей Алексеевич. – Если вам это будет интересно...

Зубко остановился, поворачиваясь.

– Что?

– Понимаете, голубчик, – доктор снял очки, протер носовым платком и водрузил на нос, – у вашего работника произошли определенные физиологические изменения специфического свойства... еще до смерти...

– Какие изменения?

– Понимаете, я в свое время работал в лаборатории химико-токсикологической экспертизы и не раз сталкивался с подобным явлением. Как бы вам это объяснить...

– Покороче и без терминологии.

– В общем, впечатление складывается такое, будто ваш капитан перед смертью принимал наркотик...

– Это исключено! Вы что же, нашли следы наркотика в крови?

– В том-то и дело, что не нашел, но в тканях головного мозга обнаружены... э-э, кое-какие «шлаки», вырабатываемые организмом в ответ на определенного рода воздействие, в том числе – наркотическое.

– И о чем это говорит, по-вашему? На Коку... на капитана было оказано воздействие? Ему вкололи наркотик? – Не наркотик. – Патологоанатом снял очки, и глаза его стали беспомощными и растерянными. – Повторяю, я обнаружил реакцию организма на какое-то воздействие, а какое именно – не знаю.

– Сможете выяснить?

– Не уверен, голубчик. Наша лаборатория не имеет необходимого оборудования для исследований подобного рода. Я, конечно, попытаюсь, но...

– Спасибо, Сергей Алексеевич. Очень вам признателен. Если что-нибудь раскопаете интересное, сообщите мне, пожалуйста.

– Хорошо. Обязательно.

Зубко вышел из помещения морга в жаркий августовский день, постоял немного, жадно вдыхая запахи травы и близкого леса, и направился к штабу части, где недавно заседала комиссия аналитиков службы, разбираясь в обстоятельствах гибели Кости Морозова. Вердикт комиссия вынесла железный: член группы «Витязь» капитан Морозов погиб в результате непрофессиональных, непродуманных решений командира группы подполковника Зубко и слабого обеспечения операции по обезвреживанию террористов. Что такое «слабое обеспечение» операции, Александр не понял, но его возмутила не формулировка вывода комиссии, а подчеркнутое пренебрежение председателя комиссии генерала Коняхина к доводам самого Зубко. Не сдержавшись, Александр обозвал генерала мудаком и был выдворен из помещения. Решение комиссии ему сообщил уже генерал Рюмин, в общем-то, тоже, по мнению Александра, не слишком рвавшийся защищать своих подчиненных.

– Но вы же понимаете, что мои ребята сделать этого не могли! – сказал Зубко, сдерживаясь, когда его вызвали в кабинет командира базы. – Я расставил их лично, все три снайпера контролировали «мерс» и в своего попасть просто не имели возможности. В Морозова стреляли со стороны жилого дома, где не было ни одного оперативника группы.

– Оставим этот разговор, подполковник, – подчеркнул звание Зубко Рюмин. – Твой снайпер мог и поменять позицию, не предупредив тебя, а доказать обратное невозможно. Скажи спасибо, что комиссия не сняла с тебя погоны.

– Да на хрен они мне с таким подходом! – вскипел Зубко. – Был бы на моем месте полковник Крутов, и он не смог бы оправдаться перед вами. Разрешите идти?

Рюмин оперся кулаками о стол, собираясь встать, лицо его побагровело.

– Вы даете себе отчет?! При чем тут Крутов?

– При том, что я его ученик. Если бы не смерть Кости, мы бы взяли террористов вчистую. Нас просто кто-то подставил. – Александра внезапно осенило. – Не метит ли кто на наше место? Я имею в виду группу? Например, отряд особых операций Российского легиона?

Рюмин откинулся на спинку стула, долго смотрел на подполковника, как на диковинное насекомое, потом вдруг успокоился.

– Откуда вы знаете... о Легионе?

– Земля слухом полнится, – усмехнулся Александр. – Я слышал, что о Легионе было доложено президенту и он отнесся к этому благосклонно. Настолько благосклонно, что велел засекретить все с ним связанное. К чему бы это?

– Идите, подполковник, – махнул рукой Рюмин. – Советую не делиться своими предположениями ни с кем и никогда. Даже с друзьями. Ваш язык может повредить шее.

– Спасибо за предупреждение, товарищ генерал. Я не любитель трепаться, так что о моей шее не беспокойтесь. Но я все же попытаюсь выяснить, какая сволочь стреляла капитану Морозову в спину.

Зубко закрыл за собой дверь кабинета и не услышал реплики генерала:

– Куда один баран, туда и все стадо...

Генерал имел в виду полковника Крутова, бывшего командира антитеррористической группы «Витязь».

«Витязи» с утра занимались изучением систем нового оружия. В оружейном классе, куда зашел Зубко, было шумно, ребята спорили с экспертом и друг с другом по поводу достоинств пистолетов серии «глок» перед пистолетами Стечкина.

– Сергей, – Александр поманил пальцем Погорелова, – выйди на минуту.

Они вышли из штаба на улицу.

– Что, сняли? – поинтересовался снайпер.

– Оставили, – понял старлея Зубко, закурил. – Дело закрыли, но вывод тот же: виноваты мы. Как ты думаешь, никто из наших не мог поменять позицию?

– Марат не мог, – твердо заявил Погорелов. – В крайнем случае предупредил бы. Лукьяненко я знаю плохо, – Сергей говорил о третьем снайпере группы, – но и он не стал бы стрелять по директорисе через спину Кости.

– Я тоже так считаю. Но слушать меня не стали. Давай после занятий съездим к кладбищу, на место боя, посмотрим все, пощупаем, прикинем на местности. Я примерно знаю, где мог сидеть чужой снайперок.

– Хорошо, – пожал плечами Погорелов. – Поедем.

В два часа дня, освежившись купанием в пруду, Зубко и Погорелов сели в джип, принадлежащий автохозяйству «Витязя», и отправились на Мытищинскую улицу к Пятницкому кладбищу, возле которого советнику итальянского посольства Паоло Пазолини вздумалось устроить свидание с одной из примадонн российской эстрады.

На месте недавнего ночного инцидента не осталось никаких следов происшествия, если не считать дыр в решетке ограды кладбища, у которых возились ребятишки. Александр и Сергей прошли по улице, постояли на месте гибели Кости Морозова, оглядываясь по сторонам, ничего не говоря друг другу. Кем были террористы, захватившие работника итальянского посольства, не интересовало ни того, ни другого. Оба не испытывали к ним жалости, презирая эту породу людей, ни в грош не ставивших чужие жизни. Но существовала и другая сторона медали, однажды поразившая Александра до глубины души.

В мае «Витязь» обезвредил группу террористов, захвативших школу в Невинномыске, среди которых оказалось несколько – трое – молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати лет; именно они и были самыми жестокими истязателями и мучителями заложников, расстрелявшими двух пятиклассников. При штурме школы все террористы – всего их насчитывалось одиннадцать человек – были убиты и похоронены на отдельном участке за городским кладбищем. Каково же было удивление Зубко и его «витязей» (тогда группой еще командовал полковник Крутов), когда они узнали, что на могилах молодых террористов-убийц появились деревянные иконки и груды цветов! Неизвестно, кто принес эти иконы и цветы, родственники или друзья погибших, но факт был поразительный: «профессия» террориста становилась буквально героической среди молодежи!

Погорелов, походив по площадке и полежав на асфальте лицом к жилым домам на противоположной от кладбища стороне, встал и проговорил:

– Стреляли вон из той пятиэтажки. Но не с крыши. Пуля попала Коке в основание черепа, значит, снайпер сидел не выше третьего этажа, слева от лестничного пролета. Кстати, тебе не кажется, что за нами следит какая-то зараза?

Александр и самому стало неуютно, будто на спину кто-то положил омерзительно холодную и влажную ладонь, поэтому он ограничился кратким:

– Чую. Делай вид, что мы ничего не замечаем. Вычислил окно, из которого вел огонь снайпер?

– Примерно.

– Пошли к дому, посмотрим, что там за хозяева.

Одеты оба они были в гражданское и не могли вызывать особого любопытства ни у редких прохожих, ни у жителей близлежащих домов, вздумавших поглазеть на улицу, однако ощущение взгляда не проходило, за ними явно наблюдали – прицельно, зная, кто они такие, и это обстоятельство заставило «витязей» включиться в работу серьезно. И тем не менее определить позицию наблюдателя не удалось, прятался он профессионально.

– Сволочь! – выругался Зубко сквозь зубы. – Уж не малый ли СЭР¹ используется? Сережа, иди во двор, посиди в тенечке, я вызову группу.

– А что ты скажешь командиру базы?

– Ничего. Поработаем на природе, ради «собственного удовольствия».

Погорелов побрел во двор дома, а Зубко вернулся к джипу и вызвал Воху Васильева.

– Оружие брать? – спросил быстро соображавший лейтенант, всегда готовый поучаствовать в аванюре.

– Только холодняк.

– Понял. Будем через сорок минут.

Выключив телефон и отойдя от машины, Александр снова почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд и на сей раз понял, что за ним следят как раз из того самого жилого пятиэтажного дома, из окна которого стрелял снайпер. Скрипнул зубами: не зря тебя здесь посадили, глазастик, что-то спрятать хотят твои хозяева. Что ж, посиди, пока приедут мои орлы, мы тебя выковырнем из щели...

Во дворе Погорелова не оказалось.

Подполковник озадаченно осмотрел гаражи, машины, одноэтажное здание котельной с высокой металлической трубой, лесок за забором, выругался про себя и вошел в подъезд, который предположительно вел в квартиру с засадой, расстрелявшей Морозова. Где-то наверху стукнула дверь, послышались мужские и женские голоса, музыка, потом все стихло. Чувствуя нарастающую тревогу и раздражение, Александр бесшумно поднялся на второй этаж, затем на третий, остановился на лестничной площадке, разглядывая четыре двери, выходящие на площадку; дом был старый и лифта не имел. Погорелова не было и здесь.

Постояв с минуту в непонятном для себя напряжении, прикидывая, не заглянуть ли в квартиру справа, где, по расчетам, мог находиться ночной снайпер, Зубко все же решил спуститься во двор, поискать Сергея там и подождать группу, но его опередили. Дверь крайней левой квартиры, обитая ядовито-зеленым дерматином, вдруг резко распахнулась, и на площадку выскочили двое парней в спортивных костюмах, вооруженные пистолетами.

Это была засада, явно рассчитанная на прибытие самостоятельных следователей вроде подполковника ФСБ и его друга, и она была уверена в полном своем превосходстве, действуя открыто, прямолинейно и нагло. И все же, если бы с Зубко был его «Витязь», шансов у засадников было не очень много, несмотря на внезапность нападения, однако он шел один, и хотя встретил парней как надо, предупрежденный интуицией, справиться со всеми бойцами неведомого спецназа не мог.

Отреагировал на появление противника он мгновенно: нанес удар парню слева, сбивая его с ног, перехватил руку с пистолетом второго, подставляя плечо под его подбородок. Парень лягнул зубами, обмяк, Александр вырвал у него пистолет, собираясь стрелять в любого, кто появится из-за распахнутой двери, и услышал сзади вздох открываемой двери еще одной квартиры. Оглянулся со смертной тоской, понимая, что не успевает, увидел фигуру во всем черном с пистолетом в руке, разглядел даже пистолет – с толстым дулом, но без дыры пулевого канала, – и в тот же миг удар по голове, точнее, удар, нанесенный как бы изнутри головы, погасил его сознание, как порыв ветра – пламя свечи...

– Тащите его в квартиру, – сказал человек с пистолетом, поглядев на часы. – У нас всего полчаса до прибытия группы. За это время они должны очухаться и выглядеть как огурчики.

Спортсмен, которого оглушил Саша, пришел в себя, с трудом поднялся, взял Зубко за ноги. Его напарник, у которого болела челюсть, подхватил Александра под мышки, и они внесли потерявшего сознание подполковника в квартиру. Дверь закрылась.

¹ СЭР – средство электронной разведки на базе компьютерного распознавания и слежения.

ВЕТЛУГА КРУТОВ

Егор проснулся с первым лучом солнца и некоторое время лежал, не двигаясь, рассматривал лицо Елизаветы с полуоткрытыми губами и ни о чем не думал, просто любовался им, проникаясь безмятежной доверчивостью и детской естественностью этой женщины, проявлявшейся во время сна. И тотчас же она открыла глаза, чутко реагируя на его взгляд и чувства. Улыбнулась, также продолжая лежать неподвижно, и тогда он потянулся губами к ее набухшему соску на груди, беззастенчиво выглядывающей из-под сползшей простыни. И она потянулась к нему – руками, губами, всем телом, и не было сил сдерживать желание, и мир вокруг исчез, растворился в оглушительном гуле крови и грохоте сердец, и миг неистового безумства и блаженства плоти соединил не только их тела, но и души восторгом растворения друг в друге и во Вселенной... и длился этот миг необыкновенно долго... хотя не мог длиться вечно.

Потом они купались во дворе в огромной лохани, которую Крутов приспособил в качестве бассейна, и обливались из шланга: Егор насчет скважины договорился с местными буровиками земслужбы, и теперь с водой проблем не было.

Вообще устраивался на новом месте Крутов основательно, решив навсегда порвать с военным прошлым, переменить профессию и начать новую жизнь. В маленький городок Ветлуга, к родственникам Елизаветы, он переехал сразу после разборок с ликвидаторами Российского легиона в Жуковских лесах. Здесь, в Нижегородской губернии – Ветлуга располагалась в двухстах с лишним километрах от Нижнего Новгорода, – тоже были леса, болота и реки, а жизнь небольшого городка русской глубинки ничем не отличалась от жизни той же Жуковки, жизни патриархально-размеренной, неторопливой и простой, несмотря на угрожающее наступление цивилизации.

Этот деревянный одноэтажный дом на улице Герцена достался Елизавете практически по наследству. До прибытия четы Крутовых (о том, что они еще не женаты, а Лиза даже не разведена с мужем, мэром Брянска Георгием Мокшиным, говорить они, естественно, никому не стали) дом стоял пустой, и троюродный дядька Елизаветы Парамон Арсеньевич навещал его раз в неделю, чтобы покопаться в огороде да протереть пыль с мебели. Когда встал вопрос – где жить молодым, дядьки и тетки Лизы в один голос заявили: да живите в дворянской хате... – так они называли дом, потому что построен он был еще в первой половине девятнадцатого века и вполне мог считаться памятником архитектуры федерального значения. О доме этом стоит поговорить особо.

По рассказам Парамона Арсеньевича и его супруги Устины Карповны, которым перевавило за семьдесят, дом принадлежал еще Савве Макарьеву, средней руки купцу, торговавшему лесом и пушниной. В маленькой Ветлуге таких строений наберется сотни две, но лишь два десятка из них считаются памятниками архитектуры девятнадцатого столетия. Остальные потихоньку сносятся или сжигаются, а на их месте строятся особняки «новых русских» или коммерческие центры. Дом номер семь по улице Герцена избежал этой участи, хотя к Парамону Арсеньевичу уже приходили просители с предложением продать участок. Дед отказал. А потом приехали Крутовы, которые принялись его обживать, подновлять, реставрировать и ремонтировать. Каково же было удивление Егора, когда он, сдирая слой за слоем старые обои, обнаружил под ними штукатурку, разрисованную отнюдь не ветлужскими пейзажами: крепость на берегу моря, парусный корабль, дом с крутой двускатной крышей, женщины в нерусских – ближе к греческим – одеждах, канал с баржей, летящий на крыльях бородастый мужик... Ахнула и Елизавета, когда обалдевший Крутов позвал ее в дом.

– Господи, красота-то какая! И даже краски не выцвели! Кто же это рисовал?!

– Не я, – засмеялся Егор. – Я не знаток живописи, но мне почему-то вспоминаются картины старых голландских мастеров.

– Откуда в такой глуши появились голландцы?

– Мало ли? Может, пленный какой остался. Хотя какая разница? Главное, что это явный раритет, этим росписям цены нет! Обычно в старину в России расписывали храмы, церкви да дворцы вельмож, а тут – жилой деревянный дом. Может быть, в твоём роду бояре да дворяне обнаружатся? А то и князья?

– Вот только князей мне и не хватало, – улыбнулась Елизавета и вдруг прыгнула к нему с криком: «И-и-йа-а!» – одновременно нанося удар ногой в грудь; в последнее время она усиленно тренировалась под руководством Егора и достигла кое-каких успехов.

Конечно же, удар застиг его врасплох, и, конечно же, он с жутким грохотом укатился в сени, вполне естественно теряя сознание, так что перепуганная Лиза принялась приводить его в чувство. А закончился процесс лечения в постели, куда отнес осознавшую свой промах, сердитую, сопротивлявшуюся подругу «очнувшийся» Крутов, заглушив её гневную филиппику долгим поцелуем.

Сам он тоже тренировался, получив от полковника Федотова ещё в Жуковке подробное описание тибетской системы психофизических упражнений лунг-гом, приемы которой комбинировали концентрацию мысли и воли с разнообразной дыхательной и боевой техникой. В идеале, как говорил Иракий, бывший контрразведчик, а теперь такой же безработный, как и Егор, у человека должна развиваться сверхнормальная скорость и легкость движений, чего достиг он сам, занимаясь лунг-гом уже более двадцати лет. В принципе, Егор к этому времени уже был близок к идеалу, умея в трансовом состоянии пустоты уходить в темп, то есть двигаться на сверхскорости, но уменьшать по желанию или увеличивать вес тела, что гарантировал лунг-гом, он еще не мог и занимался с удовольствием и без обычного скептического отношения к разного рода философско-боевым школам. Иракийю Федотову он верил.

Дед Парамон однажды застал его за тренировкой и, понаблюдав «бой с тенью», вдруг снисходительно заявил:

– Тебе бы с моим свекром погутарить, он тоже, вот как ты, руками машет и столбом по часу стоит без единого шороха.

– Медитирует, что ли? – полюбопытствовал Егор.

– Что?

– Ну размышляет о чем-нибудь долго, думает.

– Наверное, медитирует, мил человек, а спросишь – молчит або улыбается. С него вообще занужду ² слово выпросишь. Хошь, познакомлю? Только будь с ним поосторожней, пообходчивей, с виду-то он простыня ³, а на самом деле ох как много чего может и знает.

Крутов, заинтересованный характеристикой старика, пообещал быть начеку. Спросил:

– Сколько же лет вашему свекру?

– А почитай, сто лет, – спокойно ответил Парамон Арсеньевич в ответ на изумленный взгляд Егора. – И супруга евонная жива еще, бабка Евдокия. Тоже, скажу тебе, непростая женщина, костовстреха. Ведунья, значитца, по-нашему, людей лечить могёт.

К говору коренных ветлужан Крутов привык быстро, их терминология не так уж сильно отличалась от других российских диалектов, в том числе от родного жуковского, поэтому слушал степенную речь деда Парамона с удовольствием, лишь изредка спрашивая, что означает то или иное слово. Так, например, он узнал, что хозяйственные постройки во дворе дома называются одним словом «ухожь», а сам дом или собственный угол – «кубло». Но сообщение о каких-то таинственных занятиях столетнего старца, свекра Парамона, заинтересовало Егора

² Занужду – с трудом, едва (ст.-слав.).

³ Простыня – о простом, простодушном человеке.

настолько, что он тут же попросил старика представить его свекру. Однако получил строгий, хотя и необидный, отказ.

– Не спеши в Лепеши, мил человек, в Сандырях ночуешь. К Спиридону просто так, на козе, не подъедешь, он сам решает, кого звать к себе в гости, а кого нет. Я, конешное дело, сообщу о тебе, а уж там – что он скажет.

Парамон Арсеньевич обошел дом, с одобрением поглядел на ремонтные потуги Крутова, на стояк скважины во дворе, без особого удивления любовался фресками на штукатурке – Егор снял обои почти во всех комнатах – и, огладив седую бороду, с интересом взглянул в лицо нового хозяина.

– А ты, однако, мастак, Егор Лукич, агемон. Поначалу-то я, грешным делом, подумал – не лайдак, так баловень або попсуй. А ты вон чё можешь... Помощь не нужна?

– Нет, я сам, – твердо сказал Крутов. – Справлюсь. Хотя спасибо на добром слове.

После этого разговора прошло две недели, Парамон Арсеньевич наведывался к молодым через день-два, но о своем свекре не вспоминал, пока в конце августа не пришел с известием, что Спиридон Пафнутьевич изъявил желание встретиться с четой Крутовых. Утро, начавшееся с любви, как раз и было началом назначенного дня.

До восьми утра они валялись в постели, дурачились, боролись, целовались, вели себя, как дети, не обремененные заботами. Потом Елизавета вспомнила о своих обязанностях и побежала готовить завтрак. Крутов полежал еще какое-то время, ощущая удивительный душевный покой, но и у него было многое запланировано на сегодняшний день, что требовало известных усилий и смекалки. Позанимавшись в одной из комнат дома – всего их было восемь, – которую он превратил в спортивно-тренировочный зал, Егор еще раз искупался во дворе, слыша, как Лиза напевает на кухне, и успел закончить свой утренний тренинг как раз к завтраку.

Расположились в столовой, где Елизавета накрыла стол, делясь своими планами на день. Лиза хотела навестить ближайший коммерческо-издательский центр, где ей предложили место секретаря главного редактора, а также салон моды, где работала Саша, двадцатисемилетняя внучка Парамона Арсеньевича, доводившаяся Елизавете какой-то уж совсем дальней родственницей типа «седьмой воды на киселе». Тем не менее девушки быстро подружились, и Саша изредка забегала к Крутовым в гости.

Вообще связи у родственников Елизаветы в Ветлуге были довольно обширные. Узнав, что Лиза ищет работу, ей предложили целый спектр профессий от продавца косметики до юриста. Но так как она считала профессию юриста второй после журналистской – по сволочной античеловеческой сущности, то от предложений подобного рода отказалась, а поскольку рекламных фирм и компаний в Ветлуге не существовало, остановилась она на издательском центре, выпускающем местные газеты, журнал «Ветлуга-предприниматель» и книги местных «новых русских», пожелавших стать писателями.

У Крутова выбор оказался не столь велик: начальник охраны местного отделения «Вистбанка», милиция – предлагали должность замначальника городского УВД, и либо тренер по выживанию, либо опять же начальник охраны местного КММ – Клуба молодых миллионеров, созданного совсем недавно. Ни одно из предложений энтузиазма у Крутова не вызвало, и он пока думал, прикидывал варианты, веря, что выход в конце концов найдется. Деньги от выходного пособия, выданного в бухгалтерии службы, еще не закончились, к тому же у него оставались две машины, одну из которых можно было продать: собственная «Рено-Меган», изрешеченная пулями, требующая ремонта, и джип «Судзуки-Витара», подаренный Федотовым. Ираклий сам разыскал Егора в Ветлуге и оставил машину, перед тем как уехать на родину – на Алтай, к родственникам. Бывший полковник военной контрразведки ФСБ, едва уцелевший во время разборок с Российским легионом, секретная лаборатория которого обосновалась в Жуковских лесах, смог доказать в конторе свою состоятельность, предъявив материалы расследования деятельности психотронной лаборатории, уничтоженной хозяевами, но потом

подал в отставку и покинул столицу. Подобно Егору, он тоже рассчитывал начать новую жизнь, не связанную со спецслужбами.

Издательский центр располагался всего в трех кварталах от дома Крутовых, в десяти минутах ходьбы пешком, но Егор все же подвез Елизавету на «Рено», а потом направился в авторемонтную мастерскую возле рынка. Мастер, пожилой и степенный, обошел «Рено» кругом, потрогал пальцем пулевые пробоины, которые Крутов замазал не везде, и с любопытством спросил:

– Случайно не через Чечню проезжал?

– Партизаны обстреляли в Брянских лесах, – не менее серьезно ответил Егор.

Больше вопросов мастер не задавал, сказал только, что машину можно будет забрать через три дня, и назвал цену, которая вполне устраивала хозяина. Автосервис в Ветлуге еще не достиг уровня московского, вполне достойного называться авторэкетом.

Домой Крутов возвращался мимо миниатюрного ветлужского кремля – небольшой крепостцы, уцелевшей не то с пятнадцатого, не то с шестнадцатого века, оседлавшей холм над рекой Ветлугой. Кремль сегодня был почему-то многолюден, и Крутов задержался, гадая, что здесь происходит, пока не дознался, что местная федерация фехтования проводит на территории кремля праздник исторического фехтования, где каждый мог стать участником интереснейших баталлий. Во дворе кремля раздавался звон мечей, лязг старинных боевых топоров и пик, ржание лошадей, азартные вопли сражавшихся и гул зрителей, болевших за своих «рыцарей». Понаблюдав за сражением и отметив довольно уверенное владение оружием «рыцарей» в фиолетово-красных кафтанах, представителей КЛИО – Клуба любителей истории отечества, Крутов покинул кремлевский двор и внезапно заметил другое действо, развернувшееся втихаря на бесплатной стоянке машин. Заинтересованный, сманеврировал так, чтобы обзор был приличным, а самого его никто не видел.

Дело заключалось в следующем.

Трое молодых людей, одетых вполне прилично, в брюки, рубашки с галстуками, один даже был в шортах и летней шляпе под американский «стетсон», протыкали шины стоящих у стены кремля автомобилей, а когда появлялся хозяин и начинал возмущаться – очень вежливо предлагали ему услуги по охране машины. Если владелец платить отказывался, следовал совет в этом месте больше не появляться.

Возможно, Крутов и не вмешался бы в обычный местечковый рэкет, не касающийся его лично, если бы одной из жертв не оказался худосочный очкарик интеллигентного вида, хозяин подержанного «Вольво» триста сорок третьей модели. Такую тачку нынче можно было купить буквально за тысячу долларов, но выглядела она вполне презентабельно, и рэкетеры планировали снять с ее хозяина приличный навар. Продырявив ей колесо, тройка «охранников» дождалась хозяина и, видя его полную беспомощность, дошла в своих «предложениях» до угроз. В этот момент к ним и подошел Крутов, возникнув рядом неожиданно и бесшумно.

– Проблемы, молодые люди?

Троица отпрянула, шаря глазами по сторонам, но быстро успокоилась, обнаружив, что подошедший мужик в джинсах и футболке один.

– Шел бы ты, паря, на позорище, – прогудел крупногабаритный молодой человек в шляпе. – Не вмешивайся не в свое дело.

Словцу «позорище» Егор не удивился, на местном наречии оно означало «зрелище», а его применение в разговоре двадцатилетними, или около того, парнями говорило о преемственности юным поколением культурного наследия и традиций отцов, однако хамства полковник не прощал ни старым, ни малым, поэтому сказал, приятно улыбаясь:

– Во-первых, я не лишний, а охранник стоянки. Во-вторых, я видел, как вы пробрили колеса не только у этой машины, но и у двух других. В-третьих, чтобы не доводить дело до

разборок в милиции, предлагаю тихо-мирно заплатить клиенту за порчу колеса сто баксов. Подходит сумма? Или вас поставить на счетчик?

Молодые люди озадаченно переглянулись. Известие о том, что стоянка охраняется, оказалось для них неожиданным. Самый старший из них, тот, что носил шляпу, он же самый здоровый и сильный, с толстой шеей борца, оценивающе прошелся взглядом по фигуре Крутова и сунул ему под нос ладонь.

– А документы есть, дядя, что ты охранник? Покажи.

Погрузив палец в его солнечное сплетение и проводив падение бугая глазами, Крутов повернул голову к оцепеневшим подельникам главаря.

– Так как насчет документов? Показывать или не надо? Платить будем?

– Будем, будем, – торопливо закивал головой очнувшийся черноволосый рэкетир, в то время как его напарник собирался дать деру, и Крутов ловко поймал его за ремень.

– Не спеши, малыш. Мы еще не пришли к консенсусу.

– А? – вытаращился юнец.

– Родители есть?

– Есть... мама, отец... не работает...

– А ты, значит, единственный кормилец в семье?

Молодой человек с тоской оглянулся и схватился было за карман, где у него лежал нож с выстреливающимся лезвием. Егор, отобрав нож, решил воспитательную беседу отложить на другой раз. Взял деньги – две купюры по полсотни долларов, сказал наставительно, отпуская молодых людей:

– А теперь чтоб я вас здесь больше не видел! Замечу – покалечу! Забирайте своего пахана и объясните ему ситуацию популярно.

Парни помогли бугаю в шляпе подняться и, ковыляя, скрылись за магазином хозтоваров. Крутов сунул деньги обомлевшему хозяину старого «Вольво».

– На починку.

– С-спасибо... н-не надо... – заикнулся было очкарик, но Крутов уже шел прочь, удивляясь в душе тому, что его потянуло пресечь бандитскую акцию, восстановить справедливость в масштабе автомобильной стоянки. Вспомнился вдруг Панкрат Воробьев, предводитель «дорожных мстителей», бывший майор службы внешней разведки, пострадавший от разряда психотронного генератора во время атаки на лабораторию. Захотелось увидеть его, поговорить, справиться о здоровье, узнать о планах на жизнь, но Панкрат остался в Ковалях, на родине Крутова, где его принялась выхаживать Лида, сестра Егора, и о дальнейшей судьбе майора он ничего не знал. Завернул на почту, благо все равно проходил мимо, и, реализуя мелькнувшую идею, тут же позвонил в Жуковку, дядьке Ивану.

Старик явно обрадовался, услышав голос племянника, потому как, наслушавшись от родни всяческих страхов о войне в лесах под Ковальями, он уже хороших вестей от Егора не ждал. На вопрос же, как поживают остальные родичи, сообщил, что дед Осип и баба Аксиныя, пролежавшие в больнице больше недели, выписались и чувствуют себя хорошо, сестры Крутова Нина и Татьяна по-прежнему работают в агрофирме, а вот Лида с детьми уехала.

– Куда? – удивился Крутов.

– А шут ее знает, – ответил дядька Иван. – Говорят, куда-то под Вязьму, там якобы ейный ухажер живет, которого она выходила. Но где на самом деле остановилась, неизвестно.

– И не звонила?

– Нет, конешное дело. Видно, талан⁴ ей такой достался. А ты своей заразе кто – обручник або так, прихехе?

⁴ Талан – счастье, удача.

Крутов улыбнулся, подумав, что, услышав такие слова, любой современный городской житель обиделся бы вусмерть, в то время как дед Иван и не думал никого обижать. «Зараза» по-старорусски означало увлечение, прельщение, обаяние, «обручник» – жених, муж, а «прихехе» – любовник.

– Жена она мне, – ответил Егор. – Никому не отдам.

– Ну-к что ж, коли слюбились, живите, – проворчал старик. – Будете в наших краях, непременно заходите, мы с Фрузкой будем рады.

Крутов попрощался с дядькой и вышел из главпочтамта, размышляя, куда Панкрат мог увезти Лиду с детьми. Было бы здорово, если бы он завязал с деятельностью «мстителя» и зажил нормальной мирной жизнью. С другой стороны, забирая Лиду, он, наверное, сам рассчитывал на поворот бытия, на создание семьи, теплого уютного домашнего уголка, достойного любимой женщины. А в то, что бывший майор службы внешней разведки влюбился в сестру, поверил и Крутов. Ему стоило лишь раз увидеть, как загорались глаза Воробьева при появлении Лиды.

Когда Егор пришел домой, его встретила Елизавета, пришедшая на минуту раньше, задумчивая и невеселая.

– Что такое? – встревожился Крутов. – Аль обидел кто? Неужто главный редактор позволил намекнуть, чем придется заниматься его секретарше?

– Остынь, полковник, – нехотя улыбнулась Лиза. – Никто меня не обижал и намеков не позволял. С завтрашнего дня выхожу на работу, хватит сачковать. Рекламных агентств здесь нет, буду переквалифицироваться в секретарши.

– А вид такой похоронный почему?

– Сашу встретила...

– Чем же она тебя расстроила?

– На машину ее мужа наехал какой-то здоровенный джип.

– Ну и что?

– Хозяин дал телефон – мол, звони, договоримся. Шурик позвонил, договорился о встрече, приехал, а там его ждали четверо мордovorотов. Сказали: будешь возникать – долго не проживешь.

– А он что?

– Он – не ты, – вздохнула Елизавета. – Утерся и уехал. Он такой худенький, маленький, бледненький, одним словом – компьютерщик.

– Саша такая красавица, а вышла за...

– А если это любовь, Крутов?

Егор посмотрел на Елизавету дурным глазом, хотел было подхватить на руки и утащить в дом, но «зараза» (по меткому выражению дядьки Ивана) уперлась ему в грудь кулачками и сердито сверкнула глазами.

– Полковник! Не веди себя, как старшина! Лучше подумай, как помочь хорошим людям.

– Что, сильно помяли машину-то?

– Полкорпуса со стеклами менять придется.

Крутов присвистнул.

– Здорово звезданули! Хорошо хоть Шурик живой остался. Какой марки у него машина?

– Какая-то новая жигулевская «десятка». Саша ее «акулой» называет.

– Серьезная машина. Видать, неплохо компьютерщики зарабатывают, раз на таких тачках раскатывают. Что ж твои родственнички из милиции ему не помогут? Дядька Петр там ведь работает?

– Дядька ему и отсоветовал искать справедливость. Владельцем джипа оказался какой-то местный авторитет. Так что лучше не связываться.

– А мне предлагаешь связаться?

– Я предлагаю подумать, – отмахнулась Лиза, снимая кофточку и подставляя солнцу грудь; лифчики она по-прежнему не носила. – Ты у нас умный и сильный и всегда находишь выход из положения.

Слегка остуженный тоном подруги, Крутов поплелся за ней в дом, тоже снимая футболку; начало сентября в этом году в средней полосе России ознаменовано было небывалой для этих мест жарой – за тридцать пять градусов, и до глубокой ночи ходить лучше всего было без одежды.

– Значит, хозяин джипа дал телефон, а сам на встречу с пострадавшим не явился?

– Если хочешь узнать подробности, поговори с Шуриком. Чай пить будем?

Крутов зашел на кухню, оборудованную благодаря его стараниям вполне по-современному, следом за Елизаветой, посмотрел, как она возится с плитой, и не удержался – обнял сзади, ощущая под ладонями напрягшуюся тугую грудь. Последствия этого шага были энергетически разоримыми для обоих. Пить чай они начали лишь спустя час. А как только закончили – к чете Крутовых заявились визитеры.

* * *

Их было трое: двое крутоплечих парней в майках и одетый в дорогой летний костюм – весь белый вплоть до туфель и шляпы – джентльмен средних лет с одутловатым или скорее отечным лицом. Такие лица Крутов видел у людей с больной печенью. Джентльмен вел себя похозяйски уверенно и независимо. Представившись заместителем главного архитектора города Павлом Эмильевичем Семашко, он оглядел двор дома, захлащенный по причине ремонта, небрежно отказался от прохладительных напитков и сказал, рассматривая покрасневшую под его взглядом Елизавету; Крутова он как бы вовсе не замечал, только поздоровался кивком, и все время обращался к Лизе:

– Гражданка Качалина, я слышал, что вы собираетесь оформить данное строение как объект наследства...

– Уже оформила, – ответила Лиза.

– Да? Как вы оперативны. Собственно, дела это обстоятельство не меняет. Руководство города решило в скором времени разбить здесь парк культуры и отдыха и построить деловой центр, а ваш дом с участком попадает в зону отчуждения. В связи с этим мы хотели бы предложить вам продать это ветхое строение и участок земли в двадцать соток...

– Оно не ветхое, – робко возразила Елизавета.

Павел Эмильевич сделал пренебрежительный жест.

– Ему больше ста лет, дом скоро развалится, и вам все равно придется переезжать, а деньги мы предлагаем немалые.

– Какие же? – поинтересовался Крутов, отодвигая Лизу в сторону.

Джентльмен в шляпе наконец заметил его.

– А вы кто будете, гражданин... э-э?

– Начальник охраны этого памятника старины, – веско проговорил Егор. – А вы, между прочим, как архитектор города, должны бы знать, что памятники охраняются государством. Закончится реставрация здания – милости просим на экскурсию. А сейчас вам лучше покинуть пределы участка, принадлежащего частному лицу. Кстати, в следующий раз не забудьте взять с собой постановление городской думы о строительстве делового центра на этом месте.

– Ну ты, паря... – шагнул было к Егору один из парней и остановился, споткнувшись о сверкнувший насмешливый взгляд Крутова.

– Понятно, – вздохнул джентльмен в белом. – Моего слова вам, значит, недостаточно?

– Ну кто в наше время верит словам? – тем же насмешливым тоном ответил Крутов. – Не смешите меня, господин архитектор. И не надо никому вешать лапшу на уши о постанов-

лении руководства о строительстве парка. Какому-то «новому русскому» захотелось построить на берегу реки в красивом месте ресторан или баню, не так ли? И он начал кампанию по выселению законных владельцев этих мест. Так вот передайте ему...

– Егор, – слабо окликнула Крутова Елизавета.

– Что? – оглянулся он.

– Не надо...

– Понял, буду предельно вежлив. Передайте боссу, уважаемый, что эта территория принадлежит Российскому Орденом чести со всеми вытекающими последствиями, пусть сделает выводы.

Шкафообразный молодой человек снова попытался двинуться к Егору, но был остановлен жестом Павла Эмильевича, на лицо которого легла печать задумчивости.

– Вы, очевидно, умный юноша, но еще не знаете наших порядков... и возможностей.

– А вы моих, – отрезал Крутов. – Выметайтесь!

– Н-ну, с-су... – прошипел телохранитель архитектора, – мы же тебя встретим...

Крутов потемнел, прикидывая, каким образом выбросит всех троих за ворота, однако почувствовал на плече руку Лизы и расслабился.

– Я запомню твои благие намерения, мальчик. Эх, господа, господа, как же больно вам придется учиться уважать других людей.

Троица удалась. Крутов рассеянно смотрел ей вслед и думал, что спокойствие и мирная жизнь, похоже, закончились. Эти ребята не отстанут, а воевать с ними не было ни сил, ни желания.

– Они придут еще, – тихо сказала Елизавета, зябко вздрагивая, словно прочитав его мысли.

– Пусть приходят, – легкомысленно сказал Егор, обнимая девушку, – я приму меры.

– Боже мой, какой жестокий мир!.. В Ковалях мы с тобой попали в мясорубку, еле выжили, и здесь покоя нет...

– Не волнуйся, все будет хорошо, я не за тем сюда приехал, чтобы меня пинали под зад, не учитывая моих интересов. Да и родственники твои должны помочь, если что.

Елизавета приободрилась, сморщила носик.

– Нет, Крутов, что-то все-таки в тебе есть эдакое, умеешь ты вселять в людей надежду.

«Даже если не веришь в нее сам», – мысленно добавил Егор, однако вслух сказал другое:

– Я есть хочу. Давай пообедаем сегодня в кафе? Когда к деду Спиридону явиться надо?

– К семи вечера.

– Успеем еще весь этот мусор убрать.

– А зачем ты сказал им, что наш дом – памятник архитектуры?

– А разве это не так? У меня вообще возникла идея сходить в бюро инвентаризации и зарегистрировать его как памятник, за которым мы же сами и будем ухаживать. Ну иди, я тут повожусь немного, пока ты соберешься. – Крутов поцеловал Лизу в щеку и, когда она пошла к дому, облил ее водой из шланга. С визгом она погналась за ним, и длилась эта охота до тех пор, пока оба не оказались в спальне...

* * *

Деда Спиридона Крутов представлял стареньким, седым, сморщенным, маленьким и худым, похожим на многих учителей воинских искусств Востока; на самом деле он оказался могучим, высоким – под два метра ростом – стариканом с длинными и скорее пепельными, чем седыми волосами, бородой и усами. У него были широкие покатые плечи, длинные мощные руки и железные пальцы, которыми он мог запросто ломать подковы и гнуть сантиметровой толщины гвозди. Чем-то он напоминал былинного богатыря и одновременно старика

с филином с картины Константина Васильева, хотя ста лет ему дать было нельзя. Взгляд его прозрачно-серых невероятно спокойных глаз был глубок и мудр, и, встретив его, Крутов понял, что старик мгновенно разгадал и оценил гостя, прочитал его мысли и тайные движения души.

После знакомства с хозяевами – встретила гостей и Евдокия Филимоновна, – а также обязательных – по обычаю – разговоров о здоровье, погоде, расспросов о житье-бытье сели за стол, накрытый по причине жары не в доме, а в саду, среди яблонь, вишен, кустов малины, где было совсем не жарко. Хозяева выставили на стол все, что характеризовало русскую трапезу, слегка подкорректированную современным отношением к еде. Здесь были блины с медом, пироги с вязигой, солянка с грибами, просто грибы разных видов, соленые и маринованные, кулебяка, расстегаи, свекольник, пять сортов варенья, в том числе из водяники и голубики, и разнообразное питье: сбитень, клюквенный напиток, морс из поленики и медовый квас. Присутствовал также кисель из морошки. Двухлитровая пластмассовая бутылка с кока-колой, которую принесли с собой гости, на этом столе явно была лишняя, как и торт с бутылкой шампанского. Зато чего не было на столе, так это ни вина, ни водки, ни самогона.

– Аль хочется алкогольного чего-нибудь? – хрипловатым басом поинтересовался Спиридон Пафнутьевич, заметив взгляд Крутова.

– Спасибо, не пью, – вежливо ответил Егор.

– Совсем али как?

– Только по праздникам, да и то – глоток шампанского.

– Одобряю, хотя говорят, что это не по-русски. Привыкли, что славяне пьют всегда и помногу. Могу предложить настойку на травах, еще мой дед делал.

– Не ерофеич, случайно? У моего дядьки в Жуковке есть такая наливка, на траве тирлич настаивается.

Глаза деда Спиридона сверкнули.

– Пил?

– Было, – признался Крутов. – Очень здорово лечит и сил прибавляет.

– То-то я зрю, что у тебя параэнергетика высокая.

Крутов переглянулся с Елизаветой. Взгляд подруги предупреждал: веди себя естественней. Хотя и сам Егор понимал, что дед явно начитанней и современной, чем можно было ждать, о чем говорило его знание научной и эзотерической терминологии.

– Веры какой будешь, сынок?

– Православной, – смутился Егор.

Мама его в детстве, конечно же, крестила, однако в церковь он практически не ходил и к церковному выражению любви к Богу относился скептически, считая, что достаточно эту любовь и веру носить в душе.

– Понятно. – Спиридон Пафнутьевич делал ударение на букве «о», отчего его говор походил на речь коренных вологодчан. – Мне говорили, что ты якобы служил в спецназе?

– Служил, – подтвердил Крутов, вспоминая разговор с отцом Елизаветы, который задавал почти те же вопросы, но, помня совет Парамона Арсеньевича, сказал прямо: – Уволили меня... за неподчинение приказу.

– Это не из-за случая ли в Ингушетии?

Крутов заглянул в глаза старика, остающиеся спокойными и мудрыми. Было ясно, что знает он гораздо больше, чем можно было предположить.

– Так точно, из-за этого.

– Да, человек ты своенравный, это заметно, – задумчиво качнул головой Спиридон Пафнутьевич. – И до какого же звания дослужился?

– До полковника.

– Мог бы и до генерала дойти?

– Наверное, мог бы, хотя для меня это было совсем не главным.

– Хватит, старый, мучить гостя расспросами, – вмешалась Евдокия Филимоновна, под стать мужу крупная, величавая, с добрым и одновременно строгим лицом, хранящим остатки былой красоты. – Ешьте, гости дорогие, ешьте, еще успеете наговориться.

Крутов встретил взгляд ее таких же прозрачно-серых, как у мужа, живых и ясных глаз и поразился выражению кротости, беспредельного терпения, понимания и покоя, идущих из глубины всего ее существа.

На время беседа измельчала, перешла в стадию естественных житейских реплик; говорили в основном женщины, мужчины молчали, присматриваясь друг к другу. Хотя мнение Крутова о том, что старик давно разобрался в его душевном состоянии, только укрепилось. И все же стесненным он себя не чувствовал, словно был не в гостях у чужих людей, а у своих родных, с удивлением прислушиваясь к себе: внутри царили удивительный мир и тишина, поддерживаемые сутью жизни стариков, их простым отношением к себе и доброжелательным к окружающим.

Яства, приготовленные ими, были по-настоящему вкусными, и заставлять себя есть не приходилось, поэтому сытым Крутов себя почувствовал быстро. Но сколько ни ел сверх того – хотелось попробовать все, что стояло на столе, – тяжести в животе не ощущал и легкость движений не потерял. С недоверием встретил взгляд наблюдавшего за ним деда Спиридона.

– Что, притомился? – ухмыльнулся тот в усы.

– Все нет, – возразил Крутов. – Раньше говорили: не ел – не мог, поел – без ног, – а я хоть сейчас могу стометровку бежать.

– И я тоже, – подтвердила Елизавета. – Чем это вы нас накормили, бабушка Евдокия?

– Все свое, природное да лесное, – хитро прищурился дед. – Только уметь приготовить надо. Сбитень пробовали? Очень тонус повышает.

– Никакого вина не надо, – согласился Крутов, отметив еще одно современное словцо в лексиконе старца – тонус. – Дедушка, а по какой системе вы занимаетесь, если не секрет? Мне Парамон Арсеньевич рассказывал, что вы медитируете и делаете специальные упражнения...

Глаза Спиридона Пафнутьевича снова сверкнули, в них на мгновение проступили власть и сила. Но ответил он сдержанно и уклончиво, не спеша раскрываться перед гостем, которого раньше никогда не видел:

– Да это я так, противу ломоты в костях... стар стал, малоподвижен, не то что раньше. А ты, сынок, по какой такой системе работаешь? Мне ить тоже Парамоша докладывался.

Крутов улыбнулся.

– Это называется система реального боя, хотя в ее основе лежат достаточно древние школы от китайской кунгфу, японских карате и айкидо до русских – самбо, русбой и суев. Говорят, где-то практикуется и боливак, но я лично им не занимался. А в настоящее время увлекся лунг-гом...

– «Тибетским огнем», – кивнул дед Спиридон, становясь задумчивым. – Есть успехи?

Ошеломленный Крутов – дед знал такие специфические вещи! – сглотнул слюну, глянул на Елизавету, с удовольствием прихлебывающую холодный медовый квас, снова посмотрел на хозяина, в глазах которого мелькнула насмешливая искорка.

– Вы знаете, не хочу утверждать, но кое-что у меня начало получаться. Во всяком случае, я начал глубже понимать, что такое движение.

– Ты почувствовал себя вящим?

– Каким? – Егор не сразу сообразил, что слово «вящий» означает – более сильный. – Нет, я почувствовал себя более... умным, что ли, стал больше понимать мир.

– И все ж таки не удержался от насилия, когда некие молодые сорвиголовы баловались на автостоянке у кремля.

Крутов подобрался: дед знал и о его стычке с рэкетирами, а это означало, что за ним следили.

– Откуда вы знаете?

– Наш городок-то махонький, – уклончиво ответил Спиридон Пафнутьевич, – в одном конце пошепчешь – в другом аукнется. Так как же твое понимание мира согласуется с насилем?

– Это не просто насилие, – тихо сказал Крутов, понимая, что его проверяют по всем статьям. – Люди преступили закон человеческого общежития и должны были получить по справедливости.

– Так ты подрался, Крутов? – поглядела на него удивленная Елизавета. – Когда и где?

– Это не главный вопрос, – улыбнулся дед Спиридон. – Главный вопрос – зачем. Какая цель преследовалась? Стоило ли восстанавливать справедливость силой?

– А вы знаете другие способы? – глянул на хозяина исподлобья Крутов.

– Да как тебе сказать, сынок? Все зависит от обстоятельств. Вот, например, как ты отреагируешь на туз?

Егор наморщил лоб, силясь вспомнить значение слова, и дед поспешил ему на помощь:

– Тебя ударили кулаком, допустим. Как ты ответишь?

Ощущение экзамена усилилось, мышцы живота неприятно свело, и Егор некоторое время успокаивал нервную систему, одновременно формулируя ответ.

– Все зависит от обстоятельств, – ответил он наконец словами деда. – Иногда я реагирую раньше, и дело кончается миром. Но чаще... – он помолчал и честно признался: – Я отвечаю на удар. Но никогда не начинаю драку первым... если не считать прямую работу. Когда я служил в антитеррористическом подразделении...

– Я понимаю, – кивнул Спиридон Пафнутьевич. – Есть другой путь, более древний и более эффективный.

– Какой? Ударили по щеке – подставь другую?

– Нет, это ложное учение, уводящее от истины. Другой путь – это уклонение от удара. Уклониться – значит истощить силу насильника. Если ты отвечаешь ударом на удар, ты остаешься в замкнутом кругу негативных связей, отношений и переживаний.

– Но, уходя от удара, вы только больше злите противника! – не удержался Крутов. – Он же начнет вас искать...

– Тогда останови удар, но не наноси свой. Он ожидает ответа – не давай ответ, он излучает злобу и ненависть – не отвечай ненавистью и гневом, отвечай покоем и тишиной. И этот твой истинный ответ впитает злобу врага, заставит его остыть.

– Я так не умею, – после недолгого молчания покачал головой Крутов.

– Вижу, – усмехнулся дед Спиридон. – Тебе надо учиться, сынок, ибо ты не потерян. Кто желает спасти душу, тот погубит ее, а ты этого не боишься. Приходи как-нибудь, когда получишь ответы на свои вопросы, горящие внутри. Поговорим.

– О чем?

– О многом. О жизни. О человеке. О системе самореализации... которую создали еще аркты, предки славян. Ты ведь, наверное, не знаешь, что древние славяне имели более глубокие знания о строении мира, чем другие народы? В том числе китайцы, египтяне и индейцы майя.

– Почему же об этом не знаю не только я, но не знает никто?

– Хороший вопрос. И об этом мы тоже поговорим. – Спиридон встал из-за стола. – А теперь прощайте, мне надо молиться. – Он хитро посмотрел на Крутова и Елизавету и вдруг... исчез!

– А настойки моей все же попробуйте, – раздался откуда-то издалика его басовитый голос. – Очень полезительная штука, не хуже вашего ерофеича...

Крутов и Лиза посмотрели друг на друга, потом на Евдокию Филимоновну, и старуха, улыбнувшись, сказала:

– Не обижайтесь на старого, любит почудесить.

Молодые поблагодарили стариков за угощение, попрощались и, выйдя из сада на улицу, попали как бы в другой мир, где от жары плавился асфальт и дрожащее марево раскаленного воздуха искажало перспективу. Дед Спиридон жил на окраине Ветлуги, и его сад выходил прямо к реке, за которой начинался сосновый бор, однако объяснить комфортную температуру в саду, чистоту и свежесть воздуха, ласковый ветерок и отсутствие запахов цивилизации это обстоятельство не могло. Территория дома Спиридона Пафнутьевича, патриарха неведомого древнего учения – Егора вдруг озарило! – представляла собой нечто вроде аномальной зоны со своей экологией и природными условиями. Каким-то образом дед Спиридон управлял климатом своего участка.

Этими мыслями Крутов поделился с Елизаветой, но она, к его удивлению, спорить не стала, согласилась.

– Я же тебе говорила, что в моем роду одни колдуны и ведьмы. А дед Спиридон вообще волхв.

– Я и сам это понял, – буркнул Егор, трогая машину с места. – Он гораздо мощнее, чем кажется с виду. И еще это его исчезновение... прямо чистая телепортация, телекинез... если только у меня не поехала крыша.

– Тогда она поехала и у меня. Я ведь тоже видела. Это он хотел показать тебе, что владеет кое-каким древним знанием, недаром же задавал тебе странные вопросы.

– Да понял я... Как ты думаешь, сдал я этот экзамен?

– Не знаю. – Лиза погладила руку Егора на ручке переключения скоростей. – Но мне кажется, что ты ему понравился. Может, действительно права формула: учитель находится тогда, когда ученик готов к встрече с ним?

– А я готов?

– Может быть, и нет. – Елизавета посмотрела на помрачневшее лицо Крутова и улыбнулась. – Не сердись. Вообще-то я в тебя верю. Но тебе самому придется решать, готов ты или нет.

Дальше они ехали молча, каждый со своими мыслями, все еще находясь под впечатлением встречи. Нельзя сказать, что Егор был недоволен собой, однако какая-то червоточина в душе осталась, чего-то он не заметил в расспросах деда Спиридона, чего-то не почувствовал и не понял.

АЛТАЙ ФЕДОТОВ – КОРНЕЕВ

Он стоял посреди поляны, поросшей высокой травой и еще более высокими зонтиками борщевика и дудника, и как зачарованный смотрел на торжественно замерший пихтовый лес с геометрически совершенной колоннадой кедрача. Вид был так изумителен, что душа требовала смотреть и молчать, впитывая дремотный покой и величавую гордую суть природы, проникающие во все поры тела, в сердце и в голову...

Где-то неподалеку треснул выстрел. Эхо погоняло этот звук, как мячик, между лесными великанами, и снова наступила тишина. Ираклий очнулся, достал брусок рации:

– Не надоело зверей пугать?

– Рябчик ленивый попался, – отозвалась рация голосом Корнеева, – грешно такие подарки упускать. Ты где?

Ираклий поглядел на высокое уже солнце, сориентировался:

– К юго-востоку от тебя, на поляне. Такая здесь красота, майор, что уходить не хочется!

– Ты меня удивляешь, полковник. К старости, что ли, sentimentalным стал?

– Может быть, – не обиделся Федотов. – Прежняя жизнь не давала времени на такие экскурсии, считай, я и не жил еще. Кончай охоту, пора возвращаться.

– Иду, – проворчал Корнеев.

В ожидании бывшего майора Ираклий уселся на полусгнивший ствол гигантской, поваленной в доисторические времена сосны и стал смотреть на лес, на далекие горные вершины за ним.

Прежняя жизнь осталась позади. Мечты бывшего полковника военной контрразведки об уходе от дел и возвращении на Алтай, где жили предки, начали сбываться раньше, чем он рассчитывал.

Им с Корнеевым удалось-таки добраться до Москвы и представить начальству доказательства разработки секретной лабораторией в Жуковских лесах психотронного оружия, хотя от самой лаборатории ничего не осталось. Взрыв превратил ее в ничто, в дым, а воды близлежащего болота быстро заполнили образовавшийся котлован. И все же материал был слишком значителен и серьезен, чтобы на него не обратить внимания, тем более что контрразведчики доставили образец оружия – «глушак», который оказался вполне материален и работоспособен; им тотчас же занялись эксперты управления. Однако уже спустя три дня дело о деятельности лаборатории было закрыто, «глушак» таинственным образом исчез, а Федотову и Корнееву предложили тихо уйти в отставку.

Ошеломленный Федотов, не чувствуя за собой никакой вины, попытался было «качать права», разобраться в происходящих событиях, но его вызвал к себе начальник ВКР генерал Мячин.

– Вот что, полковник, – сказал он проникновенно, усадив его за столик с напитками и фруктами в комнате отдыха за кабинетом. – Я тебя вполне понимаю. Ты сделал дело, и сделал неплохо, хотя, с другой стороны, всегда можно придаться, что ты погубил своих людей. Успокойся на этом. Расследование не прекращено, а передано выше. – Генерал показал пальцем – куда выше. – И слава богу, как говорится, отвечать за него нам уже не придется.

– Но ведь разработка психотронного оружия запрещена...

– Не будь наивным, Ираклий Кириллович, – поморщился Мячин. – Им все равно занимаются спецслужбы всех развитых стран мира. И если мы не опередим потенциального противника, то упустим время, отстанем, а что такое психотронная атака, ты себе уже представляешь.

– Почему же психотроникой занималась негосударственная контора?

– Ты имеешь в виду Российский легион? Он уже стал государственным образованием и передан Министерству юстиции как спецподразделение УИБ: Управления информационной безопасности и контроля. Так что с этим все в порядке. Скажу тебе больше: люди, разработавшие «глушак»... э-э, генератор подавления воли, награждены президентом. Разумеется, в секретном порядке. Все законы соблюдены. А ты начинаешь бузить, искать правду.

– Все, да не все, – сказал Ираклий, действительно почувствовавший облегчение: он уже понял, что сделать ничего не сможет. – Не соблюден один маленький закончик – право человека на свободу выбора. «Глушак» отнимает у него такое право.

Генерал налил себе минералки, выпил, все еще оставаясь по-отечески терпеливым.

– Полковник, ты умный человек и должен понимать ситуацию. Мне тоже в этом деле не все нравится, но я стою на страже государственных интересов и должен думать, как обезвредить врагов, а с помощью «глушаков» задачу можно решить гораздо проще и без крови. Вот, например, как ты относишься к господину Басаеву, премьер-министру Чечни?

– Да никак, – пожал плечами Ираклий.

– А все же? Герой республики и все такое прочее...

– Будь Басаев трижды герой Ичкерии и премьер, прежде всего он – убийца! Террорист! По нем давно веревка плачет. Другое дело, что вину за то, кем он стал, должны разделить политики и генералы, фамилии которых нам хорошо известны, те, кто нашпиговал Чечню оружием и благословил войну. Вплоть до президента.

– Я не спорю, а вопрос задал к тому, что с помощью «глушака» нашему спецназу взять Басаева было бы раз плюнуть. Вот для чего такое оружие должно использоваться в первую очередь. Естественно, под жесточайшим контролем. Я тебя убедил?

– Нет, – ответил Ираклий. – Но я понял: все уже решено на таком уровне, что мое мнение ничего не значит. Как и ваше, впрочем. Разрешите идти?

Мячин посмотрел на Федотова долгим взглядом, и лицо его вдруг постарело.

– Ты еще молод, полковник, – проговорил он глухо, – и можешь позволить себе иметь собственное мнение... Иди сдавай дела. И помни о последствиях разглашения государственной тайны. Хочешь совет? Уезжай из столицы куда-нибудь подальше, где тебя не смогут достать...

– Контролеры Легиона?

Генерал встал. Поднялся и Федотов, щелкнул каблуками, пожал протянутую руку генерала и вышел...

В зарослях гигантской травы – Ираклий знал ее название – живокость высокая, – в которых мог бы спрятаться всадник с лошастью, на краю поляны кто-то заворочался, и вскоре показалась выцветшая от солнца штормовка Корнеева. Разгребая траву руками и стволом ружья, он безошибочно вышел к сидящему Федотову, сел рядом, доставая фляжку с водой. На поясе его болтались три рябчика. Сделав глоток, он протянул флягу Ираклию, вытер усы; в последнее время он завел бородку, усы и отпустил волосы, отчего стал походить на священника.

– Да, ты прав, вид необычайно красив. Недаром Алтай в переводе с тюркского означает «золото». А не подняться ли нам повыше в горы, милостивый государь? Погулять по альпийским лугам?

– В другой раз. – Ираклий также хлебнул воды. – Ко мне сегодня должны прийти гости.

– Кто, если не секрет?

– Из местного Боевого братства. Будут, наверное, уговаривать возглавить отделение.

Корнеев фыркнул.

– Мало тебе Ордена чести? Ты магистр или не магистр?

– Орден был прикрытием операции, а Братство – нечто вроде союза бывших офицеров и солдат, воевавших на территории СНГ. Пойдешь заместителем, если соглашусь?

– Не знаю, не думал. Мне хорошо и в школе.

Корнеев уже почти месяц работал тренером по самбо в детской спортивной школе Бийска, куда устроился с помощью многочисленных родственников Ираклия, а еще он обдумывал предложение местной православной епархии стать начальником охраны монастырей и церквей. Предложение было неожиданным и исходило от протодиакона Димитрия, настоятеля Бийского женского монастыря Дягилева пустынь, доводившегося Федотову каким-то дальним родственником по материнской линии. Предложение это вначале развеселило Корнеева, не имевшего ранее никаких отношений с церковью, но после беседы с Димитрием он понял, что дело серьезней, чем он себе представлял.

– Грядет нашествие сил Сатаны, сын мой, – сказал протодиакон, по возрасту вряд ли старше бывшего майора, – нам придется защищать наши святыни, а ты – воин и можешь послужить не только церкви, но и народу своему, ибо нет выше опоры духовной, чем святые места веры.

– Вы предлагаете мне создать церковный спецназ? – удивился Сергей.

– Такой спецназ уже существует, – улыбнулся священник, вполне современный человек, пользующийся сотовым телефоном, компьютером и «Жигулями» последней модели. – Но его функции несколько сужены: охрана особо важных церковных особ, курьерская служба, анализ информации. Следует эти функции расширить.

– Я не готов, – пробормотал Корнеев после минутного молчания. – К тому же я привык жить... э-э, свободно...

– Твою свободу, сын мой, никто не собирается ограничивать, никто не станет заставлять тебя вести монашеский образ жизни. Хотя, конечно, какие-то заповеди придется соблюдать.

– Не возжелай жены ближнего своего... Так, что ли?

Димитрий снова улыбнулся.

– Примерно так. Мы навели о тебе кое-какие справки, прежде чем предложить работу, и ты нам подходишь. Слово за тобой.

– Подумать можно?

– Подумай, мы тебя не торопим. Но очень надеемся и просим о предмете беседы не делиться ни с кем.

– Даже с Ираклием?

– Он – знающий, с ним можно.

– Почему вы не предложили ему?

– Он посвящен в другие дела, – уклончиво ответил Димитрий. – Да снизойдет на тебя Божье благословение.

Священник перекрестил Корнеева, и тому почему-то стало страшно. Если церковь стала нуждаться в защите профессиональных людей боя, значит, что-то в мире действительно изменилось, и изменилось в худшую сторону...

– Так что ты надумал? – спросил Ираклий, понявший молчание приятеля. – Пойдешь в монастырь?

Корнеев хотел отшутиться, но передумал. Признался:

– Боязно мне что-то, полковник. Туча какая-то надвигается, попы зря паниковать не станут. А ты что-нибудь знаешь о церковном спецназе?

– Кое-что слышал. Основная их работа – обеспечение безопасности визитов священнослужителей высшего ранга от архиерея до патриарха. И работают они, насколько я знаю, не хуже соответствующих управлений нашей конторы.

– Интересно было бы познакомиться с методами их работы.

– Вот и давай устраивайся.

Корнеев снял кепку, вытер вспотевший лоб, снова надел. Он не сомневался в необходимости существования такого подразделения в недрах церкви, он сомневался в себе, в том, что будет полезен.

Родился Сергей в Архангельске в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году в потомственной чекистской семье. Дед будущего майора антитеррористического спецназа ФСБ Федор Михайлович Корнеев, комиссар госбезопасности первого ранга, занимал ответственные посты в аппарате НКВД. Отличавшийся редкой для тогдашних чекистов принципиальностью и моральной устойчивостью, он наотрез отказался от участия в арестах инженеров и ученых, причисленных к «шпионам и пособникам империализма», за что был арестован и расстрелян по личному распоряжению Берии; в пятьдесят седьмом году реабилитирован посмертно.

Отец Сергея Владимир Федорович тоже отдал четверть века служению Родине в органах государственной безопасности, пройдя нелегкий путь от простого оперативника «наружки» до полковника, главного эксперта Высшей школы КГБ, пока не умер прямо в кабинете от острой сердечной недостаточности.

Интересы Сергея в молодости отмечались похвальным разнообразием: занятия спортом, изучение иностранных языков, радиолобительство, автодело, дельтапланеризм, – что сыграло впоследствии свою роль. Уже в семнадцать лет Корнеев отлично водил автомобиль, имел первый разряд по стрельбе из винтовки, а год спустя стал мастером спорта по самбо. После окончания школы Сергей был призван в пограничные войска КГБ и после окончания учебки в пограничном Пяндже в составе мобильной группы погранвойск выполнял секретные задания на территории соседнего Афганистана. В советское время был награжден медалью «За отвагу» и орденом Красного Знамени, после девяносто четвертого – еще двумя орденами: «Честь и доблесть» и «Российский орел». С блестящим послужным списком он поступил в Высшую школу КГБ, закончил первый контрразведывательный факультет по специальности «военная контрразведка», прослужил два года в Калининграде и в тысяча девятьсот девяносто шестом переехал в Москву, где и стал работать под началом Федотова. Жениться Сергей Владимирович в свои тридцать с небольшим лет не успел. Впрочем, в этом он был схож с Ираклием, который разменял пятый десяток, но семьи так и не завел.

– Ну что, поплелись?

– Пожалуй.

Они поднялись со ствола сосны, обошли заросли крапивы и копеечника с яркими малиновыми кистями и углубились в тайгу. В трех километрах от этого места их должны были ждать лошади. Но прошагали всего километра полтора. Федотов сначала замедлил шаг, а потом совсем остановился. Остановился и Корнеев, оглянувшись на отставшего полковника.

– Ты что, устал? Или сердце схватило?

Вид у Ираклия действительно был странный, лицо заострилось, взгляд застыл, рот полуоткрылся, словно он увидел что-то удивительное в небе и хотел сказать: «О!» Через несколько секунд он очнулся, стал самим собой, присел на корточки и сказал, глядя на спутника снизу вверх:

– Нас ждут.

– Правильно, в лагере нас ждет проводник с лошадьми.

– Нет, это не из той оперы. Я чую ползущую по земле угрозу. Вот когда пригодились бы «мстители» Панкрата Воробьева... или наши парни.

– Ты думаешь?..

– Уверен, кто-то решил нас разыскать. Кстати, я еще вчера почувствовал тревогу, но не придавал этому значения.

– Да кому мы нужны после отставки? Разве что нанимателям мафии?

– Может быть, и нанимателям, а может, кому другому.

– Что ты предлагаешь?

– Поиграем в старые игры? Жаль только, что арсенал наш небогат – два ружья и ножи.

– У меня еще пара стрелок есть, сам не знаю, зачем ношу.

– Пригодятся. Пойдем «иголочкой-ниточкой», я впереди. Посмотрим, кто и что за сюрприз нам приготовил. В случае чего действуем по стандарту, без всяких ограничений.

– Есть, командир!

Они сняли с себя пояса с дичью, куртки, рюкзаки, сапоги, оставаясь в одних рубашках, тренировочных брюках и носках. Подвесили всю амуницию на вершине сосенки, согнув тонкое деревце, и бесшумно устремились вперед, переходя в особое состояние готовности к бою. Оба прошли такую школу войны, разведки, нелегальной практики, что не нуждались в длительной подготовке к активным действиям.

Ничто не нарушало естественного спокойствия природы, ни один чужеродный звук, ни одно движение, и все же пружина тревоги Ираклия продолжала сжиматься, и в полукилометре от лагеря, где оставался проводник Кулом из местных жителей и лошади, интуиция полковника «сделала стойку». Хорошо, что рубашки и брюки темные, подумал он мимолетно, определяя направление легкого ветерка и сосредоточиваясь на внутренних ощущениях. Какое-то время ему не удавалось стать пустым, потом произошел переход в это удивительное состояние, и внутренний «компас» показал на скальные останцы слева от лагеря. Впрочем, тех, кто пришел сюда поохотиться за бывшими контрразведчиками, было не меньше семи-восьми человек, и прибыли они скорее всего на вертолете: Ираклий чувствовал искусственное металлическое сооружение с теплым еще мотором в четырех километрах отсюда. Просканировав пространство начинавшегося распада, он определил местоположение еще нескольких человек и подо звал Корнеева.

– Их предположительно восемь, пятеро расставлены вокруг лагеря, трое где-то у лошадей. Все вооружены. Предлагаю аккуратно захватить одного из них и допросить.

– Они сейчас на взводе, ждут нашего появления.

– Вот поэтому сделаем таким образом: ты отвлечешь их внимание, пойдешь один, поближе к одному из них, шумно, пусть думают, что мы возвращаемся и ни о чем не подозреваем. Но одного тебя трогать они не станут, будут ждать меня.

– Понял. Как я узнаю, что ты его взял?

– Пойдешь с рацией в руке и ружьем в другой. Пару раз демонстративно окликнешь меня, якобы для выяснения, где я и куда выйду. Поскольку сам ты пойдешь с юга, то я должен соответственно выйти с севера, что ты им и сообщишь. Тогда все внимание они переключат на то направление.

– Поехали, – сказал быстро схватывающий ситуацию Сергей.

Через несколько минут они подошли к сидящему в засаде человеку – он выбрал вершину небольшой пологой сопочки, даже не сопочки – шестиметровой высоты холма или бугра с зарослями ерника, – и Корнеев, поднявшись в рост, направился мимо бугра в распадок, где они разбили палатку. Вид его был живописен и необычен – идет по тайге мужик в рубашке и босиком! – но Сергей догадался об этом сам и начал на ходу раздеваться, имитируя разговор по рации с напарником, жалуясь на жару и предлагая искупаться в ближайшем ручье.

Федотов, переместившись левее, уловил шевеление на вершине бугра и поймал тусклый металлический блик – это из кустов высунулся ствол винтовки. Екнуло сердце: лишь бы сидящий в засаде не выстрелил!

Корнеев не торопясь миновал сопочку, прошагал метров двадцать под дулом винтовки и присел на сломанную листовницу, снял носки, делая вид, что решил дать ногам отдых. Ираклий, подобравшись к холму вплотную, явственно услышал щелчок предохранителя и, не раздумывая, тенью вынесся наверх, на вершину бугра, сразу увидев лежащего за камнем, спиной к нему, мужчину в камуфляже. Среагировал тот на удивление быстро, обучен был действовать в таких ситуациях – вскочил, повернулся, бросая нож за спину кистевым вывертом, но промахнулся и выстрелить не успел, нож Ираклия вонзился ему в руку, заставив выпустить винтовку (отечественная «СВУ» со ствольной насадкой, соединяющей в себе глушитель, пламегаситель

и дульный тормоз), а затем Ираклий в прыжке сбил его с ног, перехватил вторую руку с еще одним ножом и специальным приемом сломал ее в кисти. Парень вскрикнул и обмяк.

Через минуту прибежал Корнеев. Они подхватили потерявшего сознание незнакомца на руки, забрали его рацию новейшего образца – в виде дужки за ухом и каплей микрофона у губ, такие микрорации назывались «невидимками», а также оружие и бинокль с насадкой для ночного слежения, и понесли подальше от места действия, в уремную чащобу, где можно было спрятаться целому батальону солдат, по пути забрав свои вещи.

Камуфлированный спецназовец очнулся спустя десять минут, застонал, забился в руках носильщиков, пришлось уговорить его вести себя тихо. Дальше он пошел уже сам, бережно придерживая сломанную руку. Парень, в общем-то, был ни в чем не виноват, и никаких чувств к нему Ираклий не испытывал, поэтому, как только они добрались до скал Чулышманского водораздела, вправил ему кисть и сделал шину из плоского обломка дерева. Усадил под скалой. Корнеев подал ему документ парня, найденный во внутреннем кармане куртки. Ираклий развернул малиновую, с тисненым золотым двуглавым орлом книжечку, прочитал: «РЛ ЛООС. Юрий Зиновьевич Демчин, поручик II Контрольного управления», – посмотрел на хмурое лицо Сергея.

– Легион?

Корнеев кивнул, натягивая сапоги и куртку.

– Что такое ЛООС? – подошел Федотов к пленнику, по лицу которого медленно разливалась бледность.

Тот поднял голову, увидел вблизи горящие глаза Ираклия и, видно, что-то в них прочитал, потому что попытался отодвинуться. Сказал глухо:

– Особое подразделение...

– Расшифруй. И не играй в героя-партизана, поручик, начальники твои все равно этого не оценят.

– Отделение по ликвидации особо опасных свидетелей. – Демчин снова встретил взгляд полковника и вдруг стал бледнеть, буквально позеленел, закатил глаза, начал задыхаться, хватаясь здоровой рукой за горло, и Федотов два раза сильно треснул ладонью ему по щекам.

– Прекрати!

– Что с ним? – подошел Корнеев.

– Боюсь, он зомбирован. Как только кто-то пытается выяснить у него секретные сведения, срабатывает программа самоликвидации. Мы с таким эффектом уже сталкивались в Жуковке.

– Тогда мы ничего от него не добьемся.

Ираклий понаблюдал за начавшим приходить в себя поручиком неведомого II Контрольного управления Российского легиона, еще раз ударил его по щеке и быстро спросил:

– Какое задание вы получили?

– Захватить офицеров ФСБ Федотова и Корнеева, – с трудом разлепил губы Демчин. – Зомбировать... если не удастся – физически уничтожить...

Лицо поручика снова начало зеленеть, его стала бить мелкая дрожь, и Федотов со вздохом отошел, сел на камень. Рядом примостился угрюмый Корнеев, и они встретились взглядами.

– Плохи наши дела, полковник. Эти ребята не отстанут, пока не выполнят задание. Но какого черта?! Мы же не собирались ни с кем воевать или выяснять отношения!

– Теперь придется, – пробормотал Ираклий, начиная вдруг раскачиваться, будто у него заболел зуб. – Так хотелось пожить нормальной жизнью, без тревог и волнений, так хорошо все начиналось, ах вы собаки бешеные, секретчики поганые, киллеры вонючие, властители безмозглые, что же вы заставляете мирных людей прятаться... – Так же внезапно он прервал себя, перестал раскачиваться и, посмотрев на озабоченно разглядывающего его Корнеева, усмехнулся. – Что, майор, думаешь, свихнулся командир? Видит бог, не хотел я драки и крови, но лучше бы меня не трогали!

- Что будем делать? – успокоился Сергей.
- Есть только два пути: бегство и сопротивление. Оба бесперспективны. Выбирай любой.
- Бегать я как-то не привык.
- Я тоже. Итак, выбираем второе?
- Умирать – так с музыкой. Хоть поживем без страха и упрёка да пару десятков сволочей прихватим с собой на тот свет. Хорошо, что я не женился, горевать по мне будет некому.
- «Лучше бы было кому», – подумал Ираклий, но вслух сказал:
- Есть предложение: пока нас пасут здесь, быстренько захватить их транспорт, – по моему, километрах в шести отсюда их ждет вертолет, – и мотануться в Бийск.
- Хорошо бы захватить их аппаратуру. Он сказал – они готовы нас зомбировать.
- Да, «глушак» бы нам не помешал, но дождемся другого раза. Итак, в Бийске разделимся. Ты пойдешь в Дягилевский монастырь к протодиакону Димитрию, расскажешь о наших проблемах и согласишься на предложение возглавить службу церковной безопасности.
- Если они не передумают, узнав, что за мной тянется «хвост» Легиона.
- Не передумают и защитят, если что.
- А ты?
- А я подниму родственные связи. Ты же знаешь, во мне течет и грузинская и тюркская кровь, а это кровь горячая и древняя. Воевать мы будем на своей территории, а дома и стены помогают.

Корнеев по привычке достал флягу, отвинтил колпачок, глотнул воды и подставил ладонь под удар ладони Ираклия.

- Повеюем, командир. Что с ним будем делать?
- А ничего, оклемается – сам доберется до своих.

Через час они отыскали вертолет – новейший «Ка-60» с опознавательными знаками МЧС – Министерства чрезвычайных ситуаций – на галечном берегу Чулышмана, обезоружили и связали охранника, никак не ожидавшего появления «дичи» вблизи вертолета и загоравшего на травке над обрывом в одних штанах, связали также пилота и, оставив обоих у реки, стартовали на запад, к Бийску. Лететь им предстояло всего ничего – чуть более пятидесяти километров.

ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНИЯ, ГОРОД ОСТАШКОВ ВОРОБЬЕВ

Свет торшера не доставал до стен комнаты, и она была погружена в уютную полутьму. Тихо и размеренно качался маятник старинных настенных часов в футляре из темного дерева. Чтобы они не будили детей по ночам, механизм боя Панкрат вынужден был остановить в первую же ночь, как только они поселились в этом доме на берегу Селигера. Дом принадлежал бабе Ольге, родной бабушке Панкрата по материнской линии, которая без долгих разговоров переехала жить к внучке в трехкомнатную квартиру в центре Осташкова, когда пришлось решать проблему поселения новой семьи: Панкрат приехал не один – с Лидой, сестрой Крутова, и ее двумя детьми, пятилетним Антоном и семилетней Настей.

Адаптировались они на удивление быстро. Лида устроилась на работу в горздравотделе, Панкрат же на базе бывшего спортзала СКА организовал Школу выживания для бизнесменов, где начал обучать их приемам защиты от рэкетиров и бандитов, основам анализа целевых рисков, методам объединения и быстрой связи, а также взял на себя еще и обязанности тренера по рукопашному бою для охранников офисов и тех молодых предпринимателей, кто сам хотел научиться драться. Кроме того, раз в неделю Воробьев учил своих подопечных стрельбе из разного рода оружия в местном тире.

За месяц поступило столько заявок на обучение в Школе – чего Панкрат совершенно не ожидал для такого маленького городка, как Осташков, – что можно было подумать и о расширении дела, но помощников, которым он мог бы доверять, у Панкрата пока не было, и приходилось крутиться самому практически без отдыха. Идея вызвать Родиона Кокушкина, бывшего «мстителя», из его родного Богородицка под Тулой, еще только вызревала. Лишь по воскресеньям удавалось провести вечер в семейном кругу, повозиться с детьми, покататься на лодке, да и то не каждую неделю.

Зарабатывать Панкрат стал неплохо, предприниматели и бизнесмены, желающие работать честно и никого не бояться, платили главному организатору-«сэнсэю» и тренеру Школы не скупясь, поэтому Лиде можно было бы и не работать, но сидеть без дела она не любила, и как только подвернулось место – ушла в здравотдел городской администрации, благо удалось устроить Антона в детсад, а Настю в гимназию. Ухаживать за детьми согласились все родственники Воробьева, за что он был им благодарен. Никто не спросил, чьи это дети и где он отыскал жену-разведенку. Зато теперь не надо было тревожиться за тылы: где бы родители ни находились, дети были присмотрены и накормлены. Сам же Панкрат был с детства приучен к труду во имя дома и семьи и сейчас как бы возвращался к истокам родительского мироощущения. Воином и «мстителем» его сделали обстоятельства.

В принципе, именно в надежде на такую помощь Панкрат и привез Лиду с детьми к себе на родину, в старинный Осташков, начавший именоваться городом лишь по указу Екатерины II с тысяча семьсот семидесятого года. Правда, настоящим городом, хотя и небольшим по российским меркам, он стал только в пятидесятых годах двадцатого века, когда в нем начали строиться трех-, четырех- и пятиэтажные дома. И все же планировка города, несмотря на все реконструкции и стройки, сохранилась еще со времен Екатерины. Это о нем писал в прошлом веке В. А. Слепцов в журнале «Современник»: «Осташков действительно один из замечательнейших русских городов, даже единственный в своем роде...» И Панкрат вполне был солидарен с писателем, прожив в Осташкове лучшие свои годы.

Осташи испокон веков ловили рыбу в Селигере, занимались кузнечным ремеслом, выделывали кожи, валили и продавали лес. Осташковская кожа поставлялась в Петербург и Москву,

другие города России, ценилась за границей, да и ныне местный кожевенный завод не потерял своего значения. Но неповторимый облик городу все же придали не промышленные предприятия, которых, к слову сказать, было совсем мало, а памятники архитектуры семнадцатого-восемнадцатого веков, которых здесь насчитывалось около полусотни. На острове же Столбный, расположенном в пяти километрах от осташковской пристани, посреди озера Селигер, находится знаменитый мужской монастырь Нилова пустынь, которому исполнилось уже более трехсот лет и который потихоньку реставрировался и перестраивался, превращаясь в музей общероссийского значения. Мальчишкой Панкрат с друзьями не раз добирался до острова на лодке и лазил по кельям и подземным казематам монастыря, играя в благородных разбойников, рыцарей и монахов...

– О чем задумался? – тихо спросила Лида, сидящая напротив в старинном фамильном кресле Воробьевых.

Панкрат очнулся. Налил в рюмки по глотку вина, поднял рюмку:

– Давай за тебя.

– Тогда лучше за нас. А еще лучше – за твоих родных, за дедов. Если бы не они...

Панкрат кивнул, опрокинул рюмку в рот, налил еще; он приобрел бутылку настоящего грузинского «Саперави».

– Да, деды у меня что надо. Даже когда жив был отец, деды играли в семье, наверное, большую роль, чем он. Особенно дед Пахом. Это он мне дал имя, а не отец. Знаешь, он когда-то произнес поразившую меня тогда фразу: не дай мне бог когда-нибудь избавиться от забот о своих детях!..

– Красиво сказано, – проговорила Лидия. – У тебя вообще родственники дружные, самый настоящий клан.

– Да и ваши крутовские родичи – сила. Может быть, именно поэтому мы не боимся невзгод? Знаешь, я недавно понял, что Россия – великая держава не потому, что у нее сильная армия и куча природных ресурсов, а потому, что ее народ талантлив, трудолюбив и великодушен, культурен и духовен. В глубинке это обстоятельство становится заметней.

– Если бы не правители...

– Большой президент, бандитское правительство и кретинская Дума – еще не вся Россия. Слава богу, не на них все держится, а на дедах моих, на нас с тобой, на детях наших. Ничего, выживем.

– Не все так думают. Если бы все так думали, идиотской рекламы, пропагандирующей западный образ жизни, у нас было бы меньше.

– Жизнь России намного сложнее черно-белых декораций Запада и Америки, интереснее и значимее. И великих людей наш народ породил больше, чем любая другая нация или этнос. Даже злодеи наши были и есть страшнее и жесточе других. Кто может сравниться со Сталиным, Берией, комиссарами расстрельных комиссий, да и с Лениным тоже, по цинизму и человеконенавистничеству? Никто!

– Не возбуждайся.

– Да я спокоен. Кстати, никогда не жалел о содеянном, о том, что отомстил подонкам за смерть хороших людей.

– Давай о другом. Так хорошо сидеть вдвоем и не думать о плохом.

– Ты затронула Запад, так вот могу добавить, что ни одна голливудская звезда не сравнится с нашими великими актерами: Евстигнеевым, Смоктуновским, Леоновым, Мироновым, Яковлевым, Табаковым, Этушем, – не говоря уже о певцах и музыкантах. Скажи, какая страна мира имеет такой ансамбль, как «Виртуозы Москвы»? Или такого певца, как Дмитрий Хворостовский? Или такого дирижера, как Ростропович?

– Ты прямо русопят, – улыбнулась Лида.

– А я и не скрываю этого, хотя и не возвеличиваю нацию до состояния вселенского жандарма, как американцы – свою, далеко не столь исключительную и талантливую. Я готов жить в мире со всеми. А у русских, между прочим, очень много недостатков, от которых не мешало бы избавиться. Ты и сама их знаешь. И подлецов среди них тоже немало, к сожалению.

Помолчали, отщипывая виноград с грозди на блюде. Лида сходила в спальню к детям, вернулась, налила себе чаю.

– Сегодня я была в Барышевском детском доме, – проговорила она с грустью, – в составе комиссии горздрава мы проверяем детские учреждения района. Если бы ты это видел! В доме пятьдесят пять детей в возрасте от трех до пятнадцати лет, и среди них нет ни одного здорового! А глава района Князева недавно вдвое урезала им довольствие. Раньше на еду каждому отпускали по пятнадцать рублей, теперь – по восемь, так что обед им, можно сказать, теперь только снится.

– Представляю, – хмуро отозвался Панкрат. – За такие дела убивать надо! И показывать по телевидению, как в Чечне шариатскую казнь показывали. Может, какая сволочь и призадумается, прежде чем сделать грязное дело. Думаешь, я не вижу, что вокруг творится? За этот месяц довелось услышать полсотни таких историй, если не больше. Вот, к примеру, директор Столбненской турбазы Косой поделился своей.

– Фамилия у него... примечательная.

– Да, что есть, то есть, но мужик, в сущности, неплохой, моложе меня года на три. Так вот год назад осташковская милиция взяла с поличным банду рэкетиоров, вымогавших деньги у директоров туристической сети района, а турцентров и баз на территории района и вокруг Селигера не менее трех десятков.

– Да откуда у них деньги?

– Я тоже так думал, но, оказывается, идет процесс возрождения туристического бизнеса, народ повалил на природу, а главное, начали прибывать иностранцы.

– Тогда все ясно.

– Ну вот, оперативники и сработали: сняли процесс вымогательства скрытыми телекамерами – дело было в лесу, затем по видеосъемке установили личности бандитов и задержали всю кофлу. Четверо из семи оказались прежде судимыми, а главаря вымогателей, тридцативосьмилетнего Михаила Зеленюка, разыскивает за грабеж милиция суверенной Украины. У всех нашли оружие при обыске, чужие паспорта, свидетельства убийства предпринимателя в Твери. Но дело не в этом. Их выпустили! Неделю назад. Сначала осудили, дали кому семь, кому пять лет, а потом через год с небольшим выпустили!

– Почему?

– Дело темное. Формулировки там какие-то были заковыристые, типа: «признаки преступления не расшифрованы, роль лидера не выяснена», и так далее. В общем, суд использовал юридические казусы и ошибки следствия, адвокаты же старались вовсю, и бандиты теперь на свободе.

Панкрат выпил еще вина, зажевал виноградом.

– Больше всего не люблю адвокатов и журналистов! И те и другие готовы за деньги загнать в тюрьму невинного человека и, наоборот, освободить из тюрьмы преступника.

– Несправедливо...

– Справедливость, Лидия свет Павловна, нам только снится, – улыбнулся Панкрат, понимая чувства жены. Оба предпочитали не вспоминать, что произошло в Жуковских лесах этим летом, в результате чего Лидии пришлось выхаживать будущего мужа две недели, пока он не оправился после разряда «глушака». Помогла Степанида, мать Лизы Качалиной, которую увез куда-то в Нижегородскую губернию Егор Крутов.

– Была у меня мысль организовать команду восстановления справедливости, – продолжал Панкрат задумчиво, – по типу описанной в одном романе организации «Стопкрим»...

– Ну и что же?

– А теперь у меня есть ты. – Панкрат встал и подхватил жену на руки. – И дети.

Так, с Лидой на руках, он тихонечко вошел в детскую спальню, постоял, глядя на них с невыразимой нежностью, и вышел.

Целоваться они начали еще в гостиной...

* * *

Лида ушла на работу еще в половине восьмого, и Панкрату пришлось развозить детей по садам и гимназиям одному, что он, правда, делал с удовольствием. В девять он наконец освободился и позавтракал, прикидывая план на день. Ему предстояло окончательно оформить регистрацию семьи на новом месте, зайти в ОВИР, посетить кое-какие магазины, чтобы купить необходимые себе и детям вещи, и оборудовать в подвале дома, а также в лодочном боксе, где хранилась лодка деда Харитона, тайники для оружия и спецоборудования, которое Воробьев перевез с базы «мстителей» в Подмосковье. Зачем оно ему, он не знал, но бросать дорогую амуницию и богатый арсенал не хотелось.

Пригодилась и крупная сумма в валюте, экспроприированная у дорожных бандитов. Взяв небольшую часть денег, Панкрат купил себе машину среднего класса, новенький «Ситроен-Ксара», переднеприводной, с подруливающей задней осью и кучей полезных наворотов, и теперь горя не знал с доставкой и транспортировкой семейных грузов, а также родственников к себе и обратно. Гараж он оборудовал прямо во дворе дома, выходящего задом к берегу Селигера.

Он уже собирался открывать ворота, когда услышал, что к дому подъехала машина. Встрепенулась и «тихо зарычала» интуиция. Мгновение подумав, Панкрат достал из бардачка «Ситроена» штурм-нож и сунул в карман брюк. Мягко ступая, подошел к воротам, выглянул в щель.

Из подъехавшего мощного «Лендровера» вышли четверо молодых людей, похожие друг на друга, как горошины одного стручка: квадратные лица, стриженные затылки, крутые плечи, одинаковые светло-серые костюмы. Затем вылез мужчина постарше, коричневолицый, вальжанный, в белом костюме и с тростью в руке. Широкий, как у лягушки, рот его раздвинулся, он что-то сказал. Двое молодых людей открыли дверцу палисадника, поднялись на крыльцо дома, толкнули дверь в сени, а когда она не поддавалась, позвонили. Еще двое подошли к воротам, также попробовали открыть их, и тогда Панкрат отодвинул засов и распахнул ворота сам. Несколько секунд длилась немая сцена: гости смотрели на хозяина, он рассматривал и оценивал их. Потом сказал почти вежливо:

– Чему обязан?

Мужчина с тростью покривил губы, что должно было означать улыбку, вошел во двор.

– Воробьев? Панкрат Кондратович?

– Он, – коротко ответил Панкрат, повернул голову к двинувшимся во двор парням. – Эй, хлопцы, вы там что-то забыли?

Коричневолицый гость продолжал улыбаться и, казалось, не обращал внимания на действия своих коллег.

– Это вы создали Школу... э-э, так сказать, выживания? – продолжал он расспросы.

Панкрат посмотрел на него, потом на накачанных молодчиков, разгуливающих по двору, покачал головой.

– Как я не люблю бесцеремонность!.. Отзовите своих наглецов, милостивый сударь, я ведь могу и рассердиться.

– Так вот, господин Воробьев, – как ни в чем не бывало продолжал человек с тростью, проигнорировав реплику Панкрата, – вам придется закрыть ее. Во-первых, у вас нет лицензии

на преподавательскую и другую подобную деятельность. Во-вторых, спортклуб СКА переходит в другое подчинение, а у хозяина на него другие виды. В-третьих, нам не нравятся такие прыткие молодые люди, которые начинают свой бизнес, не спросив благословения у местных... э-э, уважаемых людей.

– Кому это – нам? – иронически поднял бровь Панкрат, чувствуя закипающий в душе гнев. – Мафиози, что ли? Я кому-то перебежал дорогу?

Глаза гостя сузились.

– Ну зачем же так... прямо? Мы бизнесмены...

– Только другого клана, теневого, не так ли? А с представителями этого клана у меня разговор короткий – через оптический прицел. Еще вопросы будут?

– А ты нахал! – сквозь зубы процедил коричневолицый. – Мы к тебе пришли с предложением, а ты...

– Это не с предложением ли влиться в ряды ваших лакеев? Таких вот, как эти «шестерки»? Или возглавить охрану какого-либо крутого босса? Платить будете, конечно, по-царски.

– Больше, чем ты думаешь.

– Премного обязан. – Это означает – да?

– Это следует расценивать как – нет. А насчет лицензии не беспокойтесь, она у меня будет. И помещение мы найдем другое, если отберут спортзал, понравились мне ребятишки, понимаешь ли, которые ко мне приходят. А теперь убирайтесь со двора, пока я вас не выкинул.

– Ну что ж, – скучным голосом произнес коричневолицый, – наше терпение имеет пределы. Придется тебя поучить немного, чтобы на будущее знал, как разговаривать с уважаемыми людьми. Эй, Клык, начинайте.

Тот, кого называли Клыком, поднял с земли рейку и с размаху опустил на капот «Ситроена». Раздался грохот и звон стекла.

– Ну, падаль! – выдохнул Панкрат. – Мое терпение тоже имеет пределы!

Трость внезапно вылетела из руки коричневолицего визитера и опустилась на голову парня с рейкой. Раздался вскрик, парень выронил палку, схватился рукой за ухо, из-под пальцев вытекла струйка крови. Второй качок сунул было руку за пазуху и тоже вскрикнул: трость свистнула по локтю, парализуя руку, и тут же пересекла лоб, накладывая багровую полосу. Первый парень опомнился, достал из-под полы пиджака нунчаки, умело крутанул их вокруг себя, но Панкрат не стал дожидаться демонстрации ката, как это показывают в дешевых кинобоевиках, а сразу отбил охоту у «каратиста» использовать нунчаки: блокировал тростью удар сбоку и тут же нанес два ответных – по пальцам и костяшкам рук спортсмена. Парень взвыл, выронил свое экзотическое оружие и отступил, дую на разбитые в кровь кулаки.

– Bravo, bravo! – кисло похвалил Воробьева коричневолицый босс, в то время как во двор вбегали стоявшие за воротами приятели первой пострадавшей двойки. – Может быть, ты и пулю отобьешь тростью?

Панкрат оглянулся. На него из кулака джентльмена в белом костюме смотрело дуло пистолета.

– Ну так как, живчик? Не хочешь посоревноваться со мной?

Ответить Панкрат не успел. Дверь дома, выходящая во двор, вдруг толчком распахнулась, и на пороге появился высокий, загорелый до черноты мужчина с бородой и усами «а-ля Педро Зурита» в исполнении Михаила Козакова. В руках он небрежно держал внушительного вида помповый карабин калибра двадцать три миллиметра.

– Брось пушечку-то, господин хороший!

Обалделый визитер в белом повиновался.

– А теперь шагайте все отсюда! Еще раз появитесь возле этого дома – передавлю, как тараканов! Бородатый незнакомец, кого-то смутно напоминавший Воробьеву, видя, что компания не торопится выполнять его требование, выдвинул из-за уха усик микрораации:

– Пик-два, всех видишь? – Выслушал ответ и добавил: – Пугни их маленько.

В тот же момент нунчаки, которые подобрал их владелец, вылетели из руки парня, выбитые пулей. Выстрела слышно не было, но опытные телохранители коричневолицего визитера сразу поняли, в чем дело, заозирались, начали пятиться к воротам. Голос у их предводителя прорезался не сразу, а только когда он оказался у своего джипа.

– Мы такого не прощаем...

Договорить ему не дали.

Пуля, выпущенная из снайперской винтовки откуда-то со стороны причала, пробила боковое стекло «Лендровера», и четверка парней во главе с боссом мгновенно расселась по местам. Джип рванул с места и исчез.

Панкрат проводил его взглядом, повернулся к неожиданному соратнику, проговорил неуверенно:

– Родион?

Бородатый незнакомец осклабился.

– Узнал-таки, командир. Ну, здравствуй. А вовремя мы, однако, подросли. Тебе и здесь спокойно жить не дают?

– До сего дня все было тихо. А кто это – мы? С тобой кто-то из наших? – Нет, ты их не знаешь. Но команда серьезная.

– Да уж, оценил. Личный снайпер – это круто! Ты всегда так страхуешься?

– С недавнего времени. Береженого бог бережет, как говорится. Уже привык работать по полному профилю, положение обязывает. Так кто это к тебе заходил?

– Есть тут... «бизнесмены»... не нравится им, что я Школу выживания организовал, приходили знакомиться. Как ты меня нашел?

– Служба поставлена, – ухмыльнулся Родион. – Пригласишь на чаек-то? Поговорить надо.

Панкрат посмотрел на часы, махнул рукой.

– Придется менять график посещений. Заходи в дом. Помощников своих не позовешь?

– Они на работе, а я и так не один.

Панкрат хмыкнул, окинул высокую гибкую фигуру бывшего «мстителя» заинтересованным взглядом, закрыл ворота и вошел в дом. В сенях его ждал незнакомый мужчина, одетый в неброский летний костюм. Он был круглолиц, лыс, курнос и особых примет не имел, за исключением умного и цепкого взгляда.

– Архип Мережковский, – представил его Родион. – Кандидат медицинских наук, психолог, аналитик, бывший работник третьего отделения ФУМБЭП.

Панкрат, протянувший было ладонь для рукопожатия, отдернул руку. Родион засмеялся.

– Видите, как он реагирует на эту сучью аббревиатуру? Я предупреждал. – «Мститель» повернул голову к Воробьеву. – Успокойся, командир. Архип Иванович не имел и не имеет отношения к тем, с кем нам пришлось столкнуться в Жуковских лесах. Наоборот, он представляет организацию, которая...

– Давайте-ка по порядку, – мягким журчащим баритоном сказал Мережковский. – Не возражаете?

– Прощу, – сухо сказал Панкрат, пропуская гостей в горницу.

Усадив гостей за стол, он принес не остывший еще чайник, сахар, сыр, масло, хлеб, печенье, тоник из холодильника. Более горячительных напитков не предложил, и лысый Мережковский оценил этот жест.

– Я понимаю ваши чувства, Панкрат Кондратович, но, ей-богу, я ни в чем не виноват.

– О чем вы хотели со мной поговорить?

– Об очень серьезных вещах. Что вам известно о разработках так называемого психотронного оружия?

Панкрат посмотрел на Родиона. Тот кивнул.

– Архип Иванович в курсе наших «звездных» войн в Жуковских лесах.

– Допустим. Что дальше?

– Вы не ответили на вопрос.

– Мне известно, что такие разработки ведет некая негосударственная структура под названием Российский легион.

– К сожалению, уже государственная. После поднятого вами шума и ликвидации объекта на территории Жуковского района руководителя... э-э, структуры, как вы изволили выразиться, испугавшись утечки информации, быстро сориентировались и сделали «подарок» президенту, сообщив о своей деятельности. Теперь Легион – секретное, но государственное образование. Однако он всего лишь часть более мощной системы, создатели которой назвали ее РВС, Реввоенсовет. Он же, в свою очередь, является частью еще большей системы – транснациональной, пустившей корни во всех странах. Но вернемся к нашим, отечественным, баранам.

– Подождите, – остановил оратора с журчащим голосом Панкрат. – Откуда вам все это известно?

Мережковский снисходительно улыбнулся.

– Я представляю собой организацию, кстати, такую же незаконную, какой была ваша «Час», которая борется с названным РВС, и начали мы с разведки и добычи информации. Наши люди работают во всех силовых структурах и спецслужбах, в том числе и в ФУМБЭП, с которого все началось. Я был одним из первых, кто узнал об античеловеческой сущности проводимых вторым отделением Управления экспериментов.

– Ради чего все это делается?

– Ради чего создаются реввоенсоветы? Для подготовки революций, естественно, переворотов, то есть, по сути, для захвата власти. Сменяются эпохи, режимы, формации, рождаются и гибнут цивилизации, до неузнаваемости преобразуются условия существования, этика, мораль, образ жизни людей, но соискатели власти остаются удивительно похожими друг на друга, психологически и морально. И средства, при помощи которых они добиваются цели, так же паразитически похожи...

Голос бывшего работника ФУМБЭП убаюкивал, усыплял, вкрадывался в сознание, образуя там какое-то пространство безволия, и Панкрат с трудом стряхнул с себя оцепенение, с удивлением прислушиваясь к самому себе.

– Ну хорошо, не надо лекций. Итак, существует Реввоенсовет, желающий изменить ныне здравствующий строй, существует Российский легион – силовая опора РВС, и создана сеть секретных лабораторий, разрабатывающих оружие для захвата власти. Так?

Мережковский и Родион, неторопливо прихлебывающий чай, переглянулись.

– Примерно так, – кивнул Архип Иванович. – Но прежде чем перейти к цели нашей организации, давайте уясним себе цели и задачи РВС и чем это грозит отечеству.

– Его цель ясна – полная дебилизация страны, – пробормотал Панкрат, вспомнив чью-то реплику.

Мережковский мягко улыбнулся. Манера держаться у него была кошачья, мурлыкающая, ненавязчиво внушающая доверие и расположение, а глаза между тем оставались умными, испытывающими и предельно сосредоточенными, как у опытного врача-психиатра, пытающегося вылечить больного.

– Оружие, разрабатываемое в секретных лабораториях Легиона, не главное, на чем базируется замысел «революционеров». Всякого рода «глушаки» и «болевики», то есть психотронные генераторы первого поколения, лишь инструмент индивидуальной обработки лидеров пар-

тий, групп и движений. Замысел РВС шире – создать на территории страны квазиустойчивый криминальный эгрегор, подчинив который можно было бы приступить ко второму этапу строительства властной пирамиды нового образца, а точнее – древнего, уже испытанного природой Земли и забытого – образца типа «термитник». Управляет «термитником» один «генерал» или «царь», которому служат воины и рабы, у которых напрочь отсутствует воля.

Панкрат усмехнулся.

– Я читал подобные сценарии в фантастических романах.

Мережковский, терпеливый, как учитель или сестра-сиделка, остался спокойным и благожелательным.

– К сожалению, этот сценарий начинает воплощаться в жизнь. Еще раз повторяю: психотронные генераторы индивидуального пользования – игрушки, вчерашний день, хотя они еще служат для «воспитания» нужных лидеров. Основные усилия руководители Проекта направили на разработку глобальных технических систем подчинения и зомбирования широких слоев населения.

– Допустим. – Панкрат помолчал. – Но если вы это знаете, почему не обратитесь в соответствующие органы, в службу безопасности, МВД, к президенту?

– Потому что мы не уверены, что лидеры этих названных вами структур не зомбированы. Мало того, мы уверены, что так оно и есть! Стоит нам обратиться туда, и нам конец. Нас вычислят и уничтожат!

– Допустим, – пробормотал Панкрат в третий раз. – Что же вы предлагаете?

– Проект, о котором я упоминал, состоит из нескольких стадий. Первая закончилась: разработка пси-генераторов индивидуального пользования. Начинается второй этап: создание системы изменения социальной реальности в умах людей. Этот этап также состоит из двух стадий. Первая – изучение влияния информационно-психологической атаки на людей посредством телевидения и радиовещания. Давно не секрет, что при постоянном прослушивании ритмованной и особенно громкой музыки у слушателей развивается наркотический эффект, ведущий к развитию аномалий в характерах людей, с выделением стресс-гормонов, которые стирают часть записанной в мозгу информации, и человек умственно деградирует. Телевидение еще более усиливает этот эффект, процесс оглуления зрителей идет гораздо более быстрыми темпами. Идеологические установки, подаваемые с его помощью, обладают колоссальным зомбирующим действием! А если реализаторам Проекта удастся разработать компьютерную систему, объединяющую теле– и радиовещание, компьютерные сети, системы связи и локационные станции метеослужбы и обороны, – это станет основой гибели этноса! Гибели Русского государства!

Мережковский замолчал, принялся пить чай.

Молчал и Воробьев, пораженный масштабами развернутых перед ним результатов неведомого Проекта. Наконец он пришел в себя.

– Чего вы хотите?

– В России царит «культ удельных князей», – Архип Иванович позволил себе поиронизировать, – или, если хотите, групповщина. Образовалось множество групп и движений «спасения Отечества», но ни один их лидер не желает работать вместе с другими, считая свой путь единственно верным. Мы же хотим объединить все группы и партии в один антикриминальный кулак и не дать Реввоенсовету подмять под себя общество.

– Похвальное желание. А база? Одна из спецслужб, судя по вашему эффектному появлению здесь?

– База есть, это молодая, недавно созданная структура – ККОРР, то есть Федеральная Комиссия по координации оперативно-разыскной работы спецслужб. В связи с чем мы можем предложить вам работу в этой организации.

– Нет, – покачал головой Панкрат.

– Не спеши, командир, – укоризненно проговорил Родион. – Мы выяснили, что у ФУМ-БЭП есть еще несколько секретных объектов на территории России. Один из них спрятан где-то здесь, в Тверской губернии, даже еще точнее – на одном из островов Селигера, другой – в Нижегородской губернии. И все они, конечно же, работают на Проект. Разве ты, после того, что с тобой случилось, не хочешь поучаствовать в их ликвидации? На благо своих же детей?

Панкрат покачал головой. Мережковский остро глянул на него, отставил чашку.

– Давайте не гнать лошадей, Родион Петрович. Человеку надо подумать, прикинуть свои возможности. Кстати, Панкрат Кондратович, вы читаете газеты?

– Только «Известия», да и то редко, а что?

– Недавно по многим средствам массовой информации прошло сообщение об уничтожении какой-то психбольницы в Нижегородской губернии. Так вот, банда здесь ни при чем. Эта больница была одним из секретных объектов Проекта, испытательным полигоном разработчиков психотронных излучателей, и его «зачистили», ликвидировали, когда надобность в нем отпала.

Видимо, взгляд Панкрата был весьма красноречив, столкнувшись со взглядом Мережковского, потому что тот сделал скорбную мину.

– Вот именно, мой друг, действительность более жестока, чем принято считать. И никуда от этого не уйти, не скрыться, не отделаться фразой: моя хата с краю. Могу добавить лишь одно: в рамках Проекта намечено создание и более изоциренных систем подчинения людей, требующих... м-м, полигонных испытаний.

– Каких, если не секрет?

– Например, оружие на основе искусственного провоцирования стрессов с летальным исходом, оружие на основе подсознательного внушения и формирования искаженных шкал ценностей, ну и так далее.

– Что это за оружие – с формированием искажений?

– Это скорее психотронно-психологическое инициирование, в процесс которого входят навязываемые извне инородные идеологические установки, инородные ценностные установки, инородный образ жизни, инородная культура. Что уже и делается, в том числе с помощью рекламы. Объектами же искажений являются разные социальные группы, творческая элита, правительство...

– Достаточно, – тихо сказал Панкрат.

– Нет, недостаточно, – вдруг жестко сказал Архип Иванович, так что Воробьев невольно поднял на него глаза. – Я не сказал еще одну вещь, которую вам необходимо знать: в стране стремительно растет число людей, а более всего – детей с проблемами психического развития...

– Достаточно, – остановил гостя Панкрат, – я понял. И все же скорее всего я отвечу «нет».

– Хорошо, – с неожиданной легкостью согласился Мережковский, – мы не настаиваем, хотя, признаться, надеемся на положительный ответ. Вы очень необходимый нашему движению человек.

Некоторое время они сидели молча, допивая тоник и чай, потом пронизательный Мережковский поднялся.

– Я, пожалуй, прогуляюсь по берегу, если позволите, а вы пока поговорите, давно не виделись.

Он ушел. Панкрат встретил взгляд Родиона и внутренне вздрогнул: показалось, что тот его не видит, что он слеп! Впрочем, бывший «мститель» тут же подмигнул, зашевелился, похлопал себя по животу.

– Подзаправился, спасибо. Ну, что ты обо всем этом думаешь?

– Если это правда... – Панкрат помедлил, – это страшно! И все же я – пас.

– Ты же сам хотел создать нечто вроде «чистилища», мочить бандитов, киллеров, подонков... неужто перегорел?

– Может быть. Но я не вижу себя в ваших рядах, какими бы справедливыми ни казались ваши цели. Есть множество других путей...

– Твой путь – борьба за справедливость, ты это всегда подчеркивал.

Панкрат опустил голову на сжатые кулаки, перед глазами встало нежное лицо жены, лица детей...

– Нет, я хочу жить иначе! – Он поднял голову. – Хватит боли и крови! К тому же я не свободен. Мне поверила красивая женщина, выходявшая меня, мне поверил ее брат... нет, я уже не воин.

– Жаль, – разочарованно вздохнул Родион. – Мы рассчитывали на тебя. Кстати, а где сейчас этот твой новый родственник, брат жены?

– Крутов? Не знаю. Где-то в Нижегородской губернии. – Панкрат лгал, он знал, где устроился бывший полковник ФСБ Егор Крутов с женой, но не хотел говорить.

– Жаль, – повторил Родион. – Хотя мы, конечно, его найдем.

– Он тоже откажется.

– Посмотрим.

Помолчали, бесцельно вертя в руках пустые чашки. Потом Панкрат поинтересовался:

– Как они тебя нашли?

– Это еще та история, – усмехнулся Родион в бороду. – Я по старой привычке вступился за обиженных – у соседа сына украли, потребовали колоссальный выкуп... В общем, собрал я ребят, отыскиали похитителей... а милиция потом отыскала меня. Мог бы и загреметь лет на семь, если бы не вытащили хлопцы из «ПД».

– Откуда?

– Так мы называем нашу организацию – «Психодав». Или «ПД».

– Остроумцы. А этого Архипа Ивановича ты хорошо знаешь? Кто он в вашей иерархии?

– Начальник аналитического управления, что-то вроде генерала.

– А ты?

– Есаул, командир оперативно-разведывательной группы. А знаю я Архипа, конечно, мало, всего пару раз-то и встречался. Он тебе не понравился?

Панкрат поморщился.

– Не красна девица, чтобы нравиться, но... где гарантия, что он представитель светлых и добрых сил, якобы консолидирующий их? Может быть, он, как раз наоборот, выявляет очаги возможного сопротивления, чтобы потом их уничтожить.

– Ну ты даешь, майор! – обиделся Родион. – Что, у меня глаз нет, по-твоему?

Панкрат встал.

– Ладно, Петрович, это я к слову. Но работать у вас не хочу. Смущает меня что-то. Не знаю что, но смущает.

Родион достал из кармашка прямоугольник белого картона, протянул Воробьеву.

– Позвони, если все-таки надумаешь. Это телефон главной конторы ККОРР в Москве, спросишь Мережковского, это его настоящая фамилия. Там он тоже числится как психолог-аналитик комиссии. Ну, бывай, командир. Рад был повидаться. Смотри не связывайся только с местной шпаной, подкараулят и...

– Я подстрахуюсь.

Панкрат проводил бывшего приятеля до калитки, внимательно оглядел улицу, набережную, но никого подозрительного не увидел. Оперативники у Родиона, подстраховывающие передвижение начальства, были высокого класса и себя не обнаруживали.

У пристани Родион сел в ожидавшую его белую «Волгу» и уехал. А Панкрат остался стоять с ощущением, что прикоснулся к какой-то опасной тайне, к бездне чужих устремлений,

замыслов и планов, способной затянуть в себя и уничтожить любого, кто вознамерится выступить против.

ВЕТЛУГА КРУТОВ

Ночью прошел небольшой дождь, и необычная для этого времени года жара спала. Утро выдалось ясным, свежим, весенним, хотя на дворе стояла середина сентября.

Крутов встал рано, в начале седьмого. Лизу будить не стал, тихонько сбежал во двор и час занимался лунг-гом, чувствуя привычный прилив сил. Умылся ледяной водой из колонки и принялся наводить порядок вокруг дома. Ремонт внутри он практически закончил, оставалось только кое-где побелить потолок, покрасить простенки и заделать решетку камина. Однако и сейчас уже внутренняя отделка дома, обновленная самодеятельным реставратором, вызывала чувство восхищения совершенством и гармонией линий, настолько хороши оказались фрески неизвестного художника, разрисовавшего оштукатуренные еще в прошлом веке стены.

Лиза проснулась, когда Егор уже заканчивал уборку двора, который после ремонта забора и хозблока тоже приобрел законченный вид. Всяческую живность типа коровы, поросенка и кур Крутов держать не собирался, поэтому ограничился одной пристройкой, где оборудовал гараж на две машины и мастерскую и оставил два стойла для лошадей. Лет сто назад, а может быть, и в послевоенное время это помещение было конюшней.

Позавтракали на природе – Крутов специально для таких дел соорудил столик под единственной березой, – поболтали о разных разностях. Говорила в основном Лиза, делившаяся впечатлениями о своей трудовой деятельности в качестве секретарши главного редактора издательского центра. Судя по всему, работа ей нравилась, и Егор порадовался этому обстоятельству. Сам он похвастаться успехами на ниве служения отечественному капитализму не мог. Ни одна из предлагаемых ему форм труда душу не грела. Сегодня должна была решиться судьба еще одного предложения, поступившего от местного союза предпринимателей: возглавить охрану Клуба молодых миллионеров Ветлуги. Если бы Егор узнал, что его соратники на Алтае и в Тверской губернии решают те же проблемы, что и он, причем абсолютно сходным путем, ему, наверное, стало бы легче.

С утра Крутов договорился с Шуриком, мужем Саши, подъехать к тем, кто разбил его машину, и попробовать договориться об оплате ремонта. Лиза мужа не торопила и не поднаживала, Егор сам решил помочь парню, нрав которого «тише воды и ниже травы» стал притчей во языцех многочисленной родни Елизаветы.

Крутову очень хотелось еще раз встретиться с дедом Спиридоном, поговорить об интересных обоих вещах, посмотреть, как он тренируется, выяснить, что это за система, позволяющая сохранять молодость духа и здоровое тело до глубокой старости, а главное – выполнять трюки вроде дедова исчезновения во время ужина. Однако набиваться самому в гости было неприлично, а Спиридон приглашать к себе бывшего полковника не спешил.

Чмокнув мужа в щеку, Лиза умчалась на работу. Задумчивый Егор еще некоторое время поковырялся в доме, доделывая начатое, потом собрался за машиной. Три дня, взятые мастером из авторемонтной мастерской, истекли, пора было забирать «Рено» из ремонта. И в этот момент у дома остановилась машина – милицкий «газик» с мигалкой на крыше. Пришлось встречать нежданного гостя, которым оказался свояк Елизаветы Петр Парамонович Качалин, полковник милиции, начальник Ветлужского Управления внутренних дел, уже предлагавший Крутову работу в управлении в качестве своего заместителя.

Они пожали друг другу руки и уселись под березой, где еще стояли не убранные хозяином остатки завтрака. Петр Качалин был старше Егора на десять лет, но выглядел моложе. Крупный, кряжистый, с большими руками, сильный, с заметной сединой в волосах, он тем не менее был быстр в движениях и вызывал ощущение танка в засаде, готового выстрелить и помчаться

в атаку. Светло-голубые глаза его таили упрямство, цепкую основательность и простодушие, но не простоту. Начальник УВД Ветлуги славился оперативной изворотливостью и сметкой, позволявшими ему достаточно уверенно справляться со своими непростыми обязанностями. Он и с подчиненными ладил, и перед криминальными авторитетами не гнулся.

– Чему обязан? – не утерпел Крутов, слегка удивленный визитом. – Снова будете уговаривать пойти на работу в милицию?

– Вообще... хотелось, – чистосердечно признался Качалин. – Твой опыт наверняка пригодился бы моим оперативникам. Но я с решением не тороплю. Тут вот такая закавыка, Егор Лукич. «Телега» на тебя пришла в управление.

– Какая еще «телега»?

– Якобы напал ты на нашего местного уважаемого человека Павла Эмильевича Семашко, оскорбил его действием, когда он был при исполнении... и свидетели отыскиались.

Крутов усмехнулся.

– Понятно. Свидетели, конечно, его крутые телохранители. Не мытьем, так катаньем решил взять нас господин Семашко. Вы в курсе, зачем он к нам пожаловал?

– Мне рассказывали. Вам с Лизкой предложили продать хату, а здесь парк собираются разбивать.

– Не парк, – покачал головой Егор. – Я тут навел кое-какие справки. Семашко не главный заказчик, всего лишь «шестерка» местного туза по фамилии Быченко, из «новых русских». И строить они собираются не парк, а виллу для самого Быченко. Вы разве этого не знали?

Петр Парамонович отвел глаза.

– Как не знать? А ты откуда такие сведения выкопал?

– Купил... у сведущих людей. Как выяснилось, не все здесь уважают вашего Быка, есть и другие «авторитеты».

– Понятно, конкуренты. И что ты надумал?

– Не продам я наше «дворянское гнездо». – Егор встал. – Пойдемте покажу.

Они прошли в дом, и Качалин увидел фрески в полной красе, при дневном освещении. Долго рассматривал каждую, покачивая головой, потом повернулся к наблюдавшему за ним Крутову и проговорил:

– Значит, не врала легенда-то семейная, что жил у нас когда-то какой-то знаменитый грек-художник. Да-а, такого я не ожидал увидеть.

– Я тоже, – хмыкнул Егор. – Вот хочу зарегистрировать сей дивный уголок в качестве памятника архитектуры девятнадцатого века. Поможете? Сохранить бы надо для потомков, даже нечто вроде музея можно сделать. Мы с Лизой не против стать зрителями.

Качалин снял фуражку, почесал макушку, снова надел.

– Мысль хорошая, может, и сработает. Забеги завтра ко мне, я провентилирую вопрос кое с кем в наших верхах. Но вообще-то с Быком... э-э, с Быченко лучше не связываться, крутой мужик, при связях и при власти, из молодых, да ранних, как говорится. Бывший спортсмен, боксер, двадцать девять лет всего. Недавно его кандидатом в мэры города выдвинули.

Крутов с любопытством глянул на помрачневшее лицо начальника УВД.

– Он же мафиози! И все это знают. Как же вы с ним работать будете?

– Пытаемся отвлечь эту беду, но ты не представляешь, как трудно в наше время доказать вину бандита! У него прокурор области в дружках ходит... – Петр Парамонович махнул рукой. – Бог с ним, разберемся, не бери в голову. В конце концов Господь воздаст по заслугам каждому, как утверждает дед Спиридон.

– Вот только хорошо бы еще при этой жизни, – проворчал Крутов, провожая гостя до ворот. – Вы газеты читаете? Пока Быки себе виллы и особняки строят, бесквартирные граждане счета с жизнью сводят.

– Мне этим по долгу службы заниматься приходится, – поморщился Качалин. – Это уже второй случай у нас в Ветлуге, весной мать с дочерью повесились. Матери тридцать семь, дочери шестнадцать, туберкулезом болела. Мать уборщицей в школе работала, жили в общежитии, а когда нашла работу более высокооплачиваемую, из общежития их и выперли... согласно постановлению администрации, хотя ей еще в восемьдесят пятом году отдельная квартира полагалась... Кстати, в районе случай пострашней произошел, не слышал? В Лыткарине бандиты психбольницу взорвали, больных и весь персонал перебили. Область на ушах стоит, и нас пристегнули к расследованию. Ну, бывай, полковник. Заходи завтра, решим проблему.

«Газик» уехал. Крутов постоял во дворе, переваривая полученную информацию, удивляясь растущей в душе тревоге, потом встряхнулся и побежал переодеваться. Вскоре он был в автомастерской, осмотрел подлатанную и покрашенную заново машину, сердечно поблагодарил мастера и лихо выехал из гаража. Через полчаса он встретился с Шуриком Алдухиным, щупленьким парнем, выглядевшим школьником, а не взрослым человеком двадцати шести лет от роду.

– Может, не стоит? – робко спросил Шурик, садясь в машину. – Они же ясно сказали, что не заплатят.

– Это тебе ясно, – сказал Крутов. – А мне не очень. Договариваться надо с боссом, а не с его «шестерками». Где машина?

– В гараже пока стоит. Заработаю, отдам в ремонт.

– Ладно, поехали.

– Куда?

– К обидчику твоему. Я позвонил по тому телефону, что он тебе дал, выяснил адрес. Кстати, ты в курсе, кто он?

– Нет, он не представился.

– Еще бы. Он владелец сети бензоколонок в городе, парниша по фамилии Григорьев.

Крутов остановил машину возле трехэтажного пирамидального здания из бетона, стали и коричневого зеркального стекла, у которого парковались только иномарки. Это было здание «Вест-банка», в котором свил себе гнездо, то есть устроил офис, и главный бензиновый торговец города.

– Вы к кому? – вырос на пороге охранник в бронежилете и с автоматом «АКС».

– К Григорьеву, – лаконично ответил Егор.

– Он вас ждет?

– Нет, но меня примет.

– Тогда извините, без пропуска и вызова вход в банк запрещен. – Охранник начал закрывать дверь.

Крутов уперся в нее рукой, достал удостоверение офицера ФСБ.

– Читать обучен?

Охранник пробежал глазами документ, вскинул на Крутова скучающие глаза.

– Сожалею, но...

– Позвони ему, мальчик, скажи, что к нему полковник Крутов. – Егор по возможности вежливо улыбнулся. – Если не хочешь иметь дела с моей конторой. Это визит частный. Пока. Но я могу оформить и вызов. Или вот что, вызови-ка начальника своего.

Охранник мигнул, сытое лицо его слегка порозовело.

– Ждите.

Дверь закрылась. Егор и Шурик переглянулись. Взгляд парня выражал сомнение в целесообразности визита, что, наоборот, подогревало интерес Крутова к правдоискательству, хотя в глубине души он тоже не был уверен в благоприятном исходе дела.

– Попытка – не пытка, – вслух сказал он, пытаясь приободрить спутника. – Прорвемся.

Толстая, металлическая, с дубовой обивкой дверь медленно отворилась.

– Проходите.

Крутов и Шурик шагнули в тамбур, служащий одновременно и металлоискателем, вошли в роскошный вестибюль банка с мраморным полом и колоннами из ракушечника. Их ждал еще один работник банковской секьюрити, уже в строгом черном костюме и без оружия.

– Прошу следовать за мной.

Они поднялись по мраморной лестнице на второй этаж здания, где у специальной стойки дежурили двое охранников в таких же черных костюмах с висящими на лацканах картонками бэджей. Провожатый провел посетителей в дальний конец коридора, нажал кнопку переговорного устройства на двери под номером 6. Над дверью торчал «глазок» миниатюрной телекамеры, и вопроса: кто идет? – не последовало. Дверь, щелкнув электромеханическим замком, отворилась.

Серьезно относится к собственной безопасности господин Григорьев, подумал Егор, прямо бункер Гитлера, а не банк, только с помощью газовой атаки и можно его отсюда сковырнуть. Интересно, если какой-то бойкий король бензоколонок имеет такие апартаменты, то какие же у господина Быченко, босса всея округи?

Приемная Григорьева поражала белизной, обилием декоративных зеркальных панелей, плоским аквариумом чуть ли не во всю стену, «глазками» телекамер по всем углам и длинноногой секретаршей с великолепной грудью. Кроме секретарши, здесь же обретались и двое сурового вида мужчин из секьюрити шефа, подозрительно ощупавшие взглядами фигуры посетителей.

Шурик совсем потерялся в этой обители власти и готов был простить все свои обиды, не входя в кабинет начальника, но Крутов был настроен иначе.

– По какому вопросу? – с деловой улыбкой спросила секретарша.

– По личному, – улыбнулся в ответ Егор.

– Как о вас доложить?

– Полковник Крутов, служба безопасности.

Улыбка девицы потускнела, она что-то нажала на пульте монитора на столе, и тотчас же пробудился скрытый динамик:

– Пусть войдет.

– Пройдите, пожалуйста. – Секретарша открыла толстую белую дверь в кабинет шефа.

– Мы пройдем вдвоем. – Егор подтолкнул Шурика вперед, и они вошли в кабинет Григорьева, не очень большой, но исключительно современный, черно-белый, с плоским телевизором у стены размерами метр на полтора, колонкой кондиционера, мебелью в стиле «мобайл» и картиной Малевича на стене слева от стола хозяина. Григорьева Крутов никогда не видел, поэтому дал себе несколько секунд на его оценку.

Вениамин Витальевич Григорьев больше всего походил на актера Юрия Соломина и был так же вежлив и культурен, что поразило Крутова до глубины души. Он не ожидал встретить бензинового короля, сочетавшего внешность актера с поведением потомственного интеллигента.

– Что привело ко мне офицера столь грозной организации, как Федеральная служба безопасности? – спросил он, с любопытством окидывая взглядом Егора и его спутника. – Присаживайтесь, как говорится, в ногах правды нет.

– Ее нигде нет, – спокойно сказал Крутов. – А привело нас к вам небольшое, как я надеюсь, недоразумение. Суть дела такова. Несколько дней назад вы совершили наезд на машину этого молодого человека...

– А-а, – в глазах Григорьева мелькнуло воспоминание, – то-то он показался мне знакомым. Действительно, было дело, виноват. Но ведь мои люди все уладили?

– Да как вам сказать? – усмехнулся Крутов. – Уладить-то они уладили, но уж как-то очень несправедливо.

– Что вы имеете в виду? Мало заплатили? – встревожился Вениамин Витальевич.

– Если это можно назвать мало... не заплатили совсем, да еще пригрозили, что, если будет жаловаться, долго не проживет.

– Не может быть!

– Господин Григорьев, я похож на шутника?

– Нет, но...

– Вот и давайте говорить, как солидные люди.

Вениамин Витальевич побарабанил пальцами по столу, наклонился к пульта селектора:

– Мариночка, вызови Кислярского.

– Слушаюсь, Вениамин Витальевич.

Через минуту в кабинет вошел могучий молодой человек с бычьей шеей, квадратными плечами и короткой стрижкой «унисекс».

– Этот гражданин утверждает, – кивнул на бледного Шурика Григорьев, – что вы не заплатили ему за ремонт машины и даже пытались запугать. Это правда?

Квадратноплечий Кислярский поглядел на Шурика, качнул маленькой по сравнению с шеей головой.

– Ну что вы, Вениамин Виталич, врет он, мы рассчитались с ним по полной программе.

Глаза Шурика стали квадратными. Крутов посмотрел на него.

– Он? Среди тех, кто с тобой разговаривал на «стрелке», был этот тип?

– Был, – пролепетал Шурик.

– Ну ты, полегче... – начал было молодой человек и через несколько мгновений лежал на ковре лицом вниз с вывернутой за спину рукой.

– Не хаами, молокосос, – сказал Крутов, нажимая на предплечье парня так, что тот охнул. – Какую сумму дал тебе босс для улаживания конфликта?

– Отпустите его, полковник, – попросил Григорьев любезно, – мы сами разберемся. Я дал ему три тысячи долларов.

Крутов отпустил руку Кислярского, сел к столу снова. Молодой помощник Григорьева поднялся, потирая кисть и локоть, исподлобья глянул на Егора, и тот понял, что приобрел себе смертельного врага.

– Иди, – жестко сказал Вениамин Витальевич, – потом поговорим. Квадратноплечий ушел.

– Вот вам деньги. – Григорьев достал пачку стодолларовых купюр, отсчитал половину, встал и вложил растерявшемуся Шурику в руку. – Надеюсь, инцидент исчерпан? Извините нас. Но, как говорится, в семье не без урода. Ведь я им плачу неплохо, можно было бы и не подрабатывать таким вот образом. Что поделаешь, рабская психология у нынешней молодежи. Еще раз извините.

Крутов поднялся. Владелец бензоколонок Ветлуги перестал ему нравиться.

– Спасибо за справедливое решение вопроса, не ожидал, честное слово.

– Пустяки. А вы, господин полковник...

– Можете называть меня Егором.

– А по батюшке?

– Лукич.

– Егор Лукич, а вы к нам как – в командировку, по служебным делам или в отпуск, отдыхать?

– На постоянное место жительства, – ответил Крутов. – До свидания. Всего доброго.

Они покинули кабинет бензинового короля, оставив его в задумчивом состоянии. В вестибюле банка наткнулись на Кислярского с двумя такими же здоровыми лбами. Все трое

установились на Крутова так, будто собирались взглядами просверлить в нем дырку. Не сбавляя шага, он двинулся прямо на них, и молодые люди расступились. В спину Егору вонзился чей-то злобный шепот:

– Скоро увидимся...

Крутов не оглянулся. Сказал, когда они с Шуриком сели в машину:

– Тебя куда?

Шурик очнулся, сунул доллары – он так и нес их в руке – в карман брюк, дрожащими руками достал сигареты.

– Ну, Егор Лукич, и страху же я натерпелся! Как вам удастся убеждать таких типов? Он же мог нас выгнать, и все, свидетелей-то нет.

– Мог, – задумчиво кивнул Крутов, – но либо он честный человек, что в его положении не очень реально, либо не хотел терять имиджа, либо имел какой-то расчет, либо испугался моих корочек и захотел проверить, с чем я пришел. Впрочем, что нам переживать? Пусть он переживает. Все хорошо, что хорошо кончается.

Он высадил Шурика у главпочтамта и поехал по магазинам. Домой он приехал как раз к обеду, когда сбежавшая из офиса Елизавета уже накрывала на стол.

* * *

Обещанные замом главного архитектора города Павлом Эмильевичем Семашко неприятности в виде решения местных властей о сносе старых домов по улице Герцена все еще не добрались до места назначения, поэтому Крутов решил предупредить готовящийся удар лакеев Быченко и вплотную занялся оформлением «дворянской хаты» Качалиных в качестве памятника архитектуры.

Он обзавелся необходимыми бумагами в отделе культуры городской мэрии, сводил к себе две делегации инспекторов по землепользованию и оценщиков памятников старины, написал заявление о регистрации на имя мэра и взял в УВД подписанное Петром Качалиным письмо о содействии. С этими бумагами он добился приема у мэра, весьма занятого, но энергичного, неглупого и решительного человека, много сделавшего для ветлужан, и к вечеру имел на руках документ, объявлявший дом номер семь по улице Герцена «памятником архитектуры девятнадцатого века федерального значения». Конечно, для таких деятелей, как Быченко, не существовало законов и правил, он вполне мог и проигнорировать решение мэра, однако теперь, начни он кампанию по сносу частного сектора на понравившемся ему участке городской земли, шум поднялся бы изрядный. На какое-то время Крутов обезопасил свое жилище и уберег нервы жены от ненужного стресса.

В семь часов вечера за Елизаветой зашла Саша, поблагодарила Егора за его помощь мужу в изъятии денег на починку машины, и женщины убежали в ателье примерять платье, которое сшила Лизе подруга-свояченица. Крутов докрасил последнюю перегородку в доме – «под кирпич», полюбовался своей работой и в это время услышал шум автомобиля, остановившегося у дома. Выглянул в окно. Из подъехавшего темно-синего «Форда-Гэлэкси» неторопливо вылез мужчина в белой рубашке с галстуком и серых брюках, и Егор не поверил глазам – это был Зуб, Александр Зубко, подполковник ФСБ, командир антитеррористической группы «Витязь».

Через минуту они обнимались, хлопая друг друга по спинам, но, заглянув другу в глаза, Егор вдруг почувствовал странный толчок в сердце и озноб, «взъерошивший» кожу спины мурашками. Эта реакция подсознания, сторожевой системы организма, его крайне озадачила: так она реагировала только на сакки – ветер смерти, то есть на опасность, угрожающую жизни, между тем как к нему приехал приятель, с которым они провоевали бок о бок четыре с лишним года. И все же, привыкший доверять интуиции, Крутов мгновенно насторожился и привел себя в боевое состояние, но, чтобы не выглядеть смешным – что за вспышка подозрительности, в

конце концов?! – в глазах Зубко, сделал вид, что безмерно рад визиту, и зажал чувства в кулак. Стоило обождать с выводами, разобраться в своих ощущениях, присмотреться к Александру, выяснить, с чем он пришел.

На улице быстро темнело, поэтому сели беседовать в «главной» гостиной дома – с камином; всего в доме было восемь комнат, «царские хоромы, а не жилая хата», как выразился Зубко, из них две спальни, две гостиных, рабочий кабинет, где Егор хотел установить компьютер, и столовая-кухня с электроплитой «Аристон», последним приобретением четы Крутовых.

– Давай выпьем по глоточку водочки, – предложил Егор.

– Не могу, – резко бросил Александр, но тут же поправился: – Извини, я на работе. Да и вообще в последнее время не принимаю, с души воротит.

– Я думал, ты один приехал, а ты с группой, – пошутил Крутов и получил странный взгляд Александра, встревоживший его еще больше и отбивший охоту шутить.

– Со мной двое, – пробормотал Саша, отводя взгляд.

– Кто-нибудь из наших? Так зови немедленно.

– Нет, ты их не знаешь. – Ну и ладно, – добродушно отмахнулся Крутов, – давай хотя бы чайку выпьем, не возражаешь? Жена вкусные булочки принесла, любимчиками называются.

– Тогда уж лучше кофе.

– Кофе только растворимый, – с сожалением развел руками Егор. – Мы с Лизой его как-то не очень...

– Можно и растворимый.

Крутов принес на подносе кофе, булочки, сливки, налил себе чаю.

– Ну рассказывай, с чем пожаловал, по какому делу посетил наш медвежий угол. Неужели и здесь объявились террористы?

– Нет, я целевым назначением к тебе.

– О! – Егор с интересом посмотрел на изменившееся сосредоточенное лицо Александра. – Я понадобился начальству?

– Начальству, да не тому.

– Как тебя понимать?

– Мы хотим предложить тебе высокооплачиваемую работу.

– Очень интересно! – Крутов не подал виду, что удивлен. – И кто же это – мы? Надеюсь, не криминальные структуры?

Зубко бледно улыбнулся.

– С этой структурой ты знаком: Российский легион.

Егор засмеялся, но, взглядевшись в лицо приятеля, перестал.

– Ты шутишь?

– Отнюдь. Легион сейчас в фаворе у очень высокого лица... у президента... и работает легально. Хотя кое-какая его деятельность засекречена.

– Например, разработка психотронного оружия, – с иронией добавил Егор. Александр почувствовал иронию в тоне бывшего командира, но не отреагировал.

– В его задачи входило обеспечение секретности разработок и объектов, но не участие в самих разработках. Сейчас эта задача с него снята, он занимается более серьезными делами.

Крутов поднял бровь.

– Ты уверен, что мне это хочется знать?

Зубко поднял на него взгляд и снова опустил.

– Лукич, ты можешь ни с чем не соглашаться, хотя это худший вариант из всех, но хотя бы выслушай. Легиону поставлена задача покончить с криминальным беспределом в стране, причем в сжатые сроки.

– Вот это масштаб! – не выдержал Егор. – Ни много ни мало – покончить – и все тут! А вы хоть представляете себе, что это означает? Придется ведь отдать под суд почти всю Думу и правительство!

Зубко порозовел, криво улыбнулся.

– Никто никого не собирается отдавать под суд. Создается особое подразделение для негласного уничтожения лидеров преступных группировок и мафиозных кланов. Создается также план по перекачке теневых капиталов в экономику страны, но это уже следующим этапом.

Крутов доел булочку, допил чай, размышляя, почему Саша перестал смотреть ему в глаза. Сказал наконец благожелательно:

– Все это прекрасно, все хорошо, прямо слезы умиления наворачиваются, но ты забыл одну прекрасную поговорку: благими намерениями вымощена дорога в ад. Не верю я твоему Легиону, хоть ты меня режь! Меня пробовал уговаривать мой бывший учитель, и то не смог, а аргументы он приводил гораздо более значительные. Но вот чего я не понимаю, так это как вербовщикам Легиона удалось уговорить тебя. Чем они тебя соблазнили?

Зубко потемнел.

– Лукич, не будь ты моим...

– Я пошутил, – успокоил подполковника Егор, хотя на самом деле и не думал шутить. – Но все же интересно, каким образом ты оказался в рядах Легиона и стал активным его пропагандистом. Нет, серьезно, как они на тебя вышли?

– Это неинтересно. В одной из операций погиб Кока...

– Костя Морозов?! Когда, как?

Зубко поморщился.

– Долгая история... нас, по сути, подставили... Костя должен был отнести террористам «дипломат» с деньгами, но они запсиховали, ему приказали вернуться...

– Дальше, дальше, не тормози.

– Он почему-то не послушался... и его убили... в спину...

– Свой?!

– Нет. Снайпер был чужим и, как оказалось, «зачищал» следы.

– Ничего не понимаю! Какие следы? Откуда ты знаешь о снайпере? Да не тяни ты!

– Кока был... зомбирован.

– Что?! – Крутов в изумлении придвинулся к столу, сбил на пол чашку, но успел подхватить ее на лету. – Костю зомбировали?! Кто? Откуда у тебя такие сведения?

– Лукич, не допрашивай, не дави на психику, все узнаешь, если...

– Если соглашусь работать на вас. А если нет? Вы и меня зомбируете? И не легионеры ли «зачистили» Коку? Сначала испытали на нем что-нибудь вроде «глушака», а потом убрали, чтобы не произошло утечки информации. Не так все было?

– Лукич...

– Что Лукич?! – Крутов притянул к себе Зубко за отвороты рубашки. – Я прав? Говори!

– Руки! – послышался сзади уверенный хрипловатый голос. – Встать!

Егор оглянулся, отпуская Александра. На него от дверей поверх необычно толстого ствола пистолета смотрел незнакомый молодой человек в джинсовой безрукавке и джинсах, очень загорелый, поджарый, мускулистый, ощутимо сильный, с необычайно светлыми и какими-то мертвыми глазами.

– Заканчивай! – скомандовал он жестко, обращаясь к Зубко. – Объясни ему положение.

Александр встал из-за стола, не глядя на Крутова, бледный и подавленный, бросил хмуро:

– Не могу я!..

– Надо было сразу мне идти, – процедил сквозь зубы светловолосый, передразнил приятеля: – «Уговорю, уговорю...» Уговорил?

– Он бы тебя на порог не пустил, не то что разговаривать.

– А я бы с ним не разговаривал.

– Джентльмены, может быть, вы сообщите, что происходит? – осведомился Крутов, с холодком в душе осознавая, что пистолет в руках незнакомца вовсе не пистолет, а «глушак».

– Прости, командир... – Зубко пошел к двери, все так же избегая взгляда Егора. – Я хотел по-хорошему... чтобы ты понял...

– А ты объясни, чтобы я понял. Или тоже зомбирован, как этот тип? Как Морозов?

Зубко споткнулся на полпути к двери, замер, спина его напряглась, что означало – он принял решение, и в тот же момент Крутов прыгнул к нему, рассчитав траекторию прыжка так, чтобы Александр телом перекрыл директрису выстрела из «глушака».

Расчет оказался верным: светлоглазый гость все же промедлил и выстрелил в тот миг, когда Крутов уже был за спиной Зубко. Но полностью погасить разряд генератора Александр не мог, часть излучения все же проникла сквозь его тело и достигла головы Егора.

Впечатление было такое, будто внутри головы взорвалась граната, но не разнесла череп и тело на части, а превратила их в чугунные гири, с которыми не могли справиться мышцы, в тяжелейшие слитки металла, которые невозможно было сдвинуть с места. Сознание, однако, Егор не потерял, просто на некоторое время оглох, причем от какого-то «внутреннего» шума – вибрировала каждая клеточка тела, и потерял способность ощущать течение времени. Восприятие мира для него разбилось на пунктирное озарение: вспышка – прекрасное состояние эйфории с отчетливой картиной действительности, спина Сани Зубко перед глазами, интерьер гостиной – темнота; еще вспышка – снова удивительное ощущение отсутствия тела, полет, невесомость, впереди незнакомый парень с пистолетом, Саши уже нет, он упал – темнота; вспышка – искаженное лицо незнакомца, падающий пистолет, бесшумный просверк чьей-то ладони, прозрачный вихрь движения – темнота; и, наконец, последнее «тире пунктира» – тело на полу, склонившаяся над ним фигура в белом балахоне, с копной седых волос...

Очнулся Крутов, сидя на полу у стены гостиной, спиной к реставрированным фрескам. Прислушался к себе, удивляясь не слабости, разлившейся по телу, а отсутствию боли или других негативных ощущений после разряда «глушака». Посмотрел на два тела на полу: Саша лежал головой к двери, его напарник головой от порога. А рядом стоял высокий мощный старец, правда, не в балахоне, а в старинной русской рубахе чуть ли не до колен, с вышивкой на воротнике и груди, подпоясанный красным кушаком. Это был дед Спиридон.

– Оклемался, воин? – прогудел он в бороду. – Как себя чувствуешь?

– Как утопленник.

– Беречься надо, не доводить ситуацию до аховой. Аль не видел, что это за люди?

– Один из них мой... друг.

Спиридон покачал головой, наклонился к напарнику Зубко, вытащил у него из-под руки пси-генератор, внимательно осмотрел.

– Придумают же люди! Такого пужала я еще не видел.

– Это «глушак». – Егор, облившись потом, встал, схватился за стену – голова внезапно закружилась. – Дьявол!

– Не поминай нечистого всуе! – строго проговорил Спиридон. – Приляг, я сейчас полечу.

– Не надо, я сам. Как вы здесь оказались?

– Мимо шел, – дед усмехнулся, бросил «глушак» на стол, – случайно. Дай, думаю, загляну к военному человеку.

– Вовремя заглянули, – пробормотал Крутов. – Еще бы немного, и он бы меня окончательно ухайдокал. Как вам удалось его нейтрализовать? Не научите?

– А надобно?

– Похоже, что да.

– Потом. Кто эти люди и почему они напали?

- Долгая история...
- А я не спешу.
- Там третий в машине.
- Не беспокойся, он спит.

Егор выпрямился, не сводя вопросительного взгляда с родственника Елизаветы, и дед ответил сверкнувшим, словно молния, притягивающим и одновременно отталкивающим взглядом.

- Рассказывай все по порядку.

Доковыляв до стола, Крутов осушил целую кружку остывшего чая, сел на диван и, прикинув, с чего начать, принялся рассказывать историю своего появления в Жуковских лесах. Через пятнадцать минут закончил, выжидательно посмотрел на деда Спиридона, по лицу которого совершенно невозможно было прочесть, о чем он думает. Молчание затянулось. Дед о чем-то размышлял, оглаживая широкой ладонью бороду и глядя в пол, Егор тоже думал, в первую очередь о том, что напрасно все рассказал. Философия добра и мира, которую исповедовал столетний старец, вряд ли согласовывалась с мировоззрением Крутова, укладывающимся в слова «адекватный ответ».

– Но сюда я приехал не воевать, – добавил Егор, словно оправдываясь. – Честное слово, хочется жить мирно и тихо. Я вдруг понял, что для счастья человеку много не надо: любимая женщина да свой угол...

Спиридон Пафнутьевич внезапно улыбнулся.

– Вот тут ты ошибаешься, сынок, много надо. Семья и дом, здоровье, хлеб и соль, поле деятельности, приносящее плоды. Плоды как материальные, так и духовные. Чтобы и хлеб был на столе, и песня в душе, и детская улыбка, и теплое супружеское ложе, и чтобы хорошие соседи, и чтобы не топтали твоё поле вооруженные люди, и не просили милостыню грязные бездельники, коих развелось на Руси слишком много, да чтобы тихий восход солнца...

Дед впери́л в Егора свой загадочный, меняющийся, изредка вспыхивающий силой взгляд.

– Очень много чего человеку надо для счастья, и нет греха в том, что он пытается это защитить.

Крутов проглотил ком в горле, не ожидая одобрения из уст адепта русской белой магии. Тот улыбнулся, но тут же стал суровым и властным.

– Ты поступил правильно, сынок, но есть и другие пути и возможности наказать супостатов. Мы об этом еще поговорим. А сейчас надо решить, что делать с ними.

– Они зомбированы... то есть подчиняются заложенной в мозгу программе. Если бы я мог депрограммировать их...

– Ну это не так уж и сложно. Я вижу тьму в голове у каждого и могу ее рассеять. С кого начнем?

– С Александра, вот с этого, – оживился Крутов, уже ничему не удивляясь.

Спиридон склонился над лежащим ничком Зубко, поводил руками над его телом, положил ладонь на затылок и застыл в такой позе. С изумлением и благоговейным ужасом Крутов увидел, как ладонь деда налилась теплым розовым свечением, это свечение струйками потекло вокруг головы Саши, потом разом всосалось в волосы и погасло. Спиридон отнял руку, разогнулся, глядя на Александра. Тот вдруг пошевелился, застонал, дотрагиваясь руками до висков и затылка, с трудом сел, глядя перед собой бессмысленным взглядом. Но вот глаза его прояснились, он увидел тело своего напарника, напрягся было, хватаясь за карман брюк, где у него лежал пистолет, но вдруг обнаружил, что находится в комнате не один. Посмотрел на возвышавшегося над ним башней деда Спиридона, перевел взгляд на сидевшего на диване Крутова.

- Что здесь происходит, командир?
- Как ты себя чувствуешь?
- Хреново... будто по мне асфальтовый каток прошелся...

- Твой приятель выстрелил в тебя из «глушака».
- Зачем?! Откуда ты?.. – Александр осекся. Глаза его расширились, потемнели. Он вспомнил, где и почему здесь находится. Перевел взгляд на тело напарника.
- Он...
- Жив, Спиридон Пафнутьевич его просто усыпил.
- Кто это?
- Родственник моей жены. А теперь сядь со мной, сосредоточься и вспомни, где, кто и как тебя зомбирова́л. Только не горячись. Ты был запрограммирован, а мы эту программу сняли.
- Взгляд Зубко заледенел, застыл, лицо покрылось бледностью, на лбу выступил пот, однако программа самоликвидации, внедренная в мозг при зомбировании, не сработала, дед Спиридон действительно рассеял тьму в сознании Саши.
- Черт! Мне... я был... не помню! – Зубко с силой потер лоб, ошеломленно глянул на взиравшего на него Спиридона. – Мне было приказано...
- Крутов помог Александру встать с пола, усадил на диван.
- Колись, подполковник, и благодари Бога, что есть на свете люди, способные вдохнуть душу в мертвое тело.
- Ну я, пожалуй, пойду, сынки, – сказал старик. – Вы тут теперь и без меня управитесь. Этого вашего дружка не трогайте, он будет спать еще долго, но ничего не вспомнит. Заходи, Егор Лукич, поговорим.
- И Спиридон исчез. Вот он стоял посреди гостиной внушительной глыбой, чуть ли не доставая макушкой потолка, а вот и нет его, только ветерок пронесся по залу и вздул кисейные занавески на окнах.
- Я сплю... – шепло пробормотал Зубко. – Это лишь дурной сон... Как он это сделал? Мистика какая-то!..
- Не знаю, – признался Егор. – Но это не сон и не мистика, Саня. Это проявление сил, о которых мы не имеем ни малейшего понятия. Есть какая-то система, очень древняя, славянская, уходящая корнями в наших предков – арктов...
- Ариев, ты хотел сказать?
- Арии, как и русские, и индийцы, тоже потомки арктов, северного народа, населявшего когда-то в незапамятные времена материк на месте Северного Ледовитого океана. В общем, это великая тайна, кладезь эзотерических знаний наших предков, черпать из которого может далеко не каждый.
- А ты?
- Я не исключение, Саня, я воин, и путь мой во мраке... Если повезет, может, и мне приоткроется какая-то щелочка к знаниям предков. Но давай вернемся к суровой действительности. Ты понял, что был зомбирован?
- Как он это сделал, твой дед-колдун? Как ему удалось меня декодировать?
- Не знаю, – начал терять терпение Егор. – Он целитель и маг, он многое может. Ты же видел, как он исчез? Что будем делать, подполковник? Как ты теперь вернешься назад, зная, что тебе приказано завербовать меня?
- Еще не думал. – Зубко сморщился, помотал головой, потер затылок. – Дьявол! Надо же было так бездарно влипнуть! Я же знал, чувствовал, что там засада...
- Где? Рассказывай.
- Александр подошел к напарнику, наклонился над ним, покачал головой и вернулся.
- Надо же, в самом деле спит, как младенец... так вот, после гибели Коки я с Серегой...
- Погореловым?
- Да... кстати, он тоже...
- Зомбирован?!

– Так получилось. Мы с ним решили выяснить, кто стрелял... – И Зубко поведал о своем поиске и о том, как нашел квартиру, где сидел снайпер в ту злополучную ночь и где Александра ждала засада. – Дальше я ничего не помню. Очнулся в каком-то помещении, забитом аппаратурой, кругом люди в белых халатах, голова гудит и кружится, а на меня смотрит какой-то человек, громадный, как скала, под стать твоему деду, с мясистым лицом, с мощными бровями. Увидел, что я глаза открыл, улыбнулся, а меня от его улыбки чуть не вырвало... снова сознание потерял. И окончательно пришел в себя уже на базе. Как там оказался – не понял.

– И все?

– На другой день ко мне подошел новенький, недавно пришел в группу, и сказал два слова: тотус – мизер...

– Пароль. Кто-то из твоих программаторов играет в преферанс.

– Может быть. И я все вспомнил, вернее, вспомнил, что со мной сделали и что надлежит сделать мне.

– Кто с тобой... экспериментировал, помнишь? И где находится лаборатория с аппаратурой зомбирования?

Зубко опустил голову.

– Нет, это они постарались скрыть. Но кое-что я все-таки не забыл: интерьер помещения, этого глыбообразного доктора с мясистым лицом, его ассистента... Ничего, вычислю и остальное. А тогда берегитесь, сволочи! Я вам предьявлю счет!

– Тебе придется терпеть и ждать момента, в одиночку с ликвидаторами Легиона не справиться. Какое задание ты от них получил?

– Склонить тебя к сотрудничеству с руководством отдела спецопераций Легиона. В случае неудачи...

– Понятно, уничтожить.

– Нет, это в последнюю очередь. Сначала зомбировать. Пси-кодирование со временем заметно снижает возможности человека, но все же некоторое время он способен действовать эффективно. Если же он перестает думать, его «гасят».

– Понятно. Зачем нужен агент, потерявший способность действовать без ошибок? Круто работают ребята! Чем же занимается этот ваш отдел спецопераций?

– Спроси что-нибудь полегче. Знаю лишь одно: он работает под вывеской палаты мониторинга психологического состояния населения страны при Совете безопасности.

– Куда ты должен был доставить меня в случае моего... э-э, несогласия работать на Легион? Случайно не в Лыткарино?

Зубко резко поднял голову и... опустил, сказал глухо:

– Мы только что оттуда. Первой моей задачей была ликвидация объекта. Тебя я должен был отвезти в Москву. – Значит, одна из пси-лабораторий там, где зомбировали и тебя. Поступим иначе. Когда вернешься, скажешь, что я сопротивлялся, попытался отобрать «глушак» и тебе пришлось меня убрать. На какое-то время я выпаду из поля зрения Легиона, а там что-нибудь придумаем. Тебе же придется играть роль зомбированного и дальше. Справишься?

– Куда я денусь? – усмехнулся Зубко. – Разве у меня есть выбор? От ищеек Легиона не сбежишь, и в Африке отыщут. Что делать с ним? – Саша кивнул на спящего напарника. – Каждый агент, подвергшийся зомбированию, имеет свой код, свой пароль. Стоит его назвать, и человек превращается в робота, послушно исполняющего приказы того, кто назвал пароль. Но кода Юозаса я не знаю.

– Как ты его назвал?

– Юозас, он латыш, Юозас Аузиньш.

– Новенький из твоей группы?

– Да, служил где-то в погранвойсках, если верить досье на него. Но я не верю, скорее всего парень работал в каких-то спецорганах. И этого человека лучше не декодировать, он все равно не станет с нами работать.

– Дед сказал, что усыпил его как-то по-хитрому, так что он ничего не будет помнить. Скажешь ему, что ты ликвидировал меня лично после того, как я напал на него и оглушил. Давай перенесем его в машину, пока жена не пришла. Не хочу ее расстраивать.

Они перетащили спящего Аузиньша в салон «Форда», пересадили спящего водителя на пассажирское сиденье и попрощались.

– Как тебя найти? Ты все еще на базе обитаешь? Телефон не изменился?

– Запомни на всякий случай еще один, – Зубко продиктовал номер. – Это телефон одной моей знакомой, живет на Нижней Масловке. Если не найдешь меня на базе, она будет знать, где меня искать. Прощай, командир, не поминай лихом.

– Ты не виноват.

– От этого на душе не легче. Спасибо деду скажи за то, что очистил от скверны. – Голос Саши изменился. – Но я жизнь положу, чтобы достать эту сучью контору!

– Будь осторожен.

– Ты тоже.

Они обменялись рукопожатиями, мгновение смотрели друг другу в глаза, потом Саша резко повернулся и нырнул в кабину, на место водителя. Взревев мотором, «Форд» умчался прочь, поднимая за собой хвост пыли, почти невидимый в свете далекого фонаря. Крутов остался стоять, глядя ему вслед, пока из темноты с противоположной стороны улицы не появилась Елизавета и не окликнула его.

АЛТАЙ ФЕДОТОВ – КОРНЕЕВ

Два дня он прятался у двоюродного брата Алексея в деревне Малый Пролом под Бийском, остро ощущая нехватку прежней команды оперативников, какой руководил, будучи полковником военной контрразведки. Будь с ним хотя бы пара ребят, профессионалов «наружки», можно было бы спать спокойно, перегрузив на них наблюдение за подходами к дому; ни один подозрительный человек не миновал бы их бдительного ока. Теперь же все приходилось делать самому: создавать ложные схроны, наблюдать за всеми приезжими, анализировать ситуацию и менять «лежку», если обнаружится слежка.

Родственников и знакомых в Бийске и по всему Алтаю у Ираклия было немало, но лишь одному из них он мог рассказать о своих проблемах, да и то в сильно усеченном виде, – мужу двоюродной сестры Валентины, капитану ФАПСИ⁵ Михаилу Болдыреву, работавшему представителем своей серьезной организации в Бийске, под «крышей» АО «Алтай-Тур». С виду это акционерное общество закрытого типа занималось организацией туристических походов по Алтаю, на самом же деле представляло собой современный центр связи и обработки информации, оборудованный мощными компьютерами «Макинтош» и «Пентиум-II», а также аппаратурой космической спутниковой связи. Именно Миша Болдырев помог Ираклию определить координаты базы ЛООС Российского легиона – по документу, отобранному у Юрия Зиновьевича Демчина, поручика II Контрольного управления, которого Ираклий с Корнеевым захватили в лесу. И он же, капитан Болдырев, предложил Федотову возглавить местное отделение Боевого братства, объединяющего бывших офицеров и солдат, участников региональных войн на территории СНГ.

Чем капитан занимается в своем АО «Алтай-Тур», он Ираклию впрямую не сообщил, но из разговоров с ним Федотов понял, что Миша – хакер, хотя и на государственной службе. В задачи Михаила входило выявление массивов информации, представляющих угрозу безопасности существующему строю, то есть выявление неких конкурентных структур, в том числе политических и криминальных, а также «поиск полезных информационных образований, представляющих интерес для секретных технологий». Что стоит за этой обтекаемой формулировкой, можно было только догадываться. Скорее всего отдел Болдырева занимался технологической разведкой Среднеазиатского региона.

О существовании Российского легиона капитан тоже знал и сообщению Ираклия не удивился.

– Это очень серьезная контора, – сказал он Федотову при встрече. – Странно, что она имеет к тебе какие-то претензии. Мы получили приказ не совать свой нос в их дела. Я, конечно, покопаюсь в файлах, мне доступных, но сделать что-нибудь сверх того не смогу. И чем тебе помочь, не знаю. Я даже начальнику отдела не могу рассказать о твоих проблемах, несмотря на то, что ты бывший коллега. Вот когда возглавишь Братство, тогда я и предложу твою кандидатуру в качестве штатного сотрудника.

– А сейчас не можешь? Я все-таки полковник.

– Был, – хмыкнул Михаил, по молодости лет не признающий авторитетов. – Сейчас мое предложение не прозвучит, да и репутацию ты себе подмочил в своей конторе. А вот президент Боевого братства – это фигура.

– Понял, – усмехнулся Ираклий. – Любите вы людей с цацками на груди, как в добрые советские времена.

⁵ Федеральное агентство правительственной связи и информации.

– Так ведь все мы оттуда, из тех времен и отношений, а тем более мой начальник, подполковник Габрилович, которому в декабре стукнет пятьдесят. Может, поставят кого помоложе?

– Ты не желаешь занять его место?

– Нет, – серьезно ответил Михаил. – Неинтересно. Я компьютерщик, программист, взломщик се... – он прикусил язык. – В общем, начинай трудовую деятельность в Братстве и приходи. Буду рад помочь. После этого разговора Ираклий еще сутки отсидел у брата в Малом Проломе – почему так называли деревню, ему так никто и не признался – и вернулся в Бийск. Через день он заявился к начальнику департамента занятости населения, занимающему кабинет в здании мэрии, и сказал, что согласен возглавить новую неполитическую общественную организацию Боевое братство.

Формальности с регистрацией Братства были преодолены быстро, в течение двух дней, хуже дело обстояло с помещением для новой организации, но в конце концов решился и этот вопрос: Боевому братству был отдан во временное пользование полуподвал старого бийского цирка на проспекте Маршала Буденного, а спонсор – местный «Горный банк» – в лице его президента Игоря Новикова обещал в скором времени предоставить помещение в строящемся бизнес-центре на площади Георгия Победоносца.

Уже в пятницу восемнадцатого сентября Федотов приступил к обязанностям президента, или, как ему предложили назвать эту должность, генерала Братства; видимо, инициаторам создания ББ нравилась иерархия древних тайных орденов, потому что наравне с генералом они предложили называть руководителей рангом ниже инспекторами, рыцарями и мастерами, а рядовых членов Братства – кавалерами. И первое, что сделал новоиспеченный генерал, так это создал службу безопасности Братства, отобрав для этой цели десять бывших офицеров спецназа, воевавших в Афганистане и Чечне и согласившихся работать на благо своих соратников.

Конечно, Ираклий понимал, что мизерной зарплатой и красивыми словами об «офицерской чести» людей в службу не заманишь, и предпринял кое-какие меры, чтобы обеспечить рискующим жизнью ребятам сносный заработок. Для этого он договорился о встрече с президентом «Горного банка», тоже бывшим афганцем, Игорем Новиковым, и выложил ему все свои проблемы. Тот выслушал Федотова спокойно и тут же предложил помощь Братству в создании собственных фирм и обществ, приносящих доход. Одной из таких фирм мог стать Бийский леспромхоз, акции которого недавно приобрел банк, а также оружейный магазин, об открытии которого говорили уже давно. И еще одна идея зрела в голове Новикова – создать «салон бронемоды».

– Не понял, – признался Ираклий, с удивлением присматриваясь к президенту банка, приятному молодому человеку с тихим голосом, уверенными манерами и жестким умным взглядом. – Что еще за салон такой?

Новиков улыбнулся.

– Не секрет, что террористические акты против бизнесменов, банкиров, владельцев фирм и членов их семей приобретают характер национального бедствия. В столице бизнесмены уже отреагировали на это созданием «индустрии страха», то есть сети магазинов, продающих бронжилеты.

Ираклий скептически pokrивил губы.

– Кто их будет покупать в нашей глуши, а тем более носить каждый день?

– Речь не идет о тяжелых армейских бронжилетах. Эксперты по бронированию совместно с модельерами разработали совершенно оригинальные кожаные и замшевые пиджаки, смокинги, джинсы, вечерние платья и даже купальники с пуленепробиваемой прокладкой из кевлара и отечественной суперкерамики. Я видел титановые каски, замаскированные под женские шляпки и мужские кепки, плащи с кевларовыми волокнами и даже галстуки. Между прочим, все они выдерживают удар пули от «магнума-357» или автомата «узи». Почему бы нам в

Бийске не открыть такой магазинчик? Спрос будет, бизнесменов у нас становится все больше и больше, и все хотят жить. Деньги на первое время найдем, подыщите только людей.

– Попробую, – сказал заинтересованный, хотя и сомневающийся в успехе дела Иракий. – Но ответьте мне на один большой вопрос. Вы вложили определенную сумму в создание Братства, какую именно отдачу вы хотите иметь? Зачем вам этот геморрой с его содержанием? Рассчитываете получить какую-то прибыль или... использовать для каких-то других целей?

– Вас это сильно беспокоит?

– Признаться, да. Я хочу знать пределы своей свободы, размер моего долга и то, что от меня требуют взамен.

– Резонно, – кивнул Новиков. – Чувствуется, что вы профессионал. А на ваш прямой вопрос есть лишь один прямой ответ: банк – не благотворительная организация, хотя, конечно, может отстегивать какие-то суммы на благотворительные цели, на меценатство и поддержку предпринимателей среднего звена, но ему требуется и защита. Я надеюсь, что ваше ББ станет нам в этом смысле опорой и «крышей». На органы правопорядка, к сожалению, надежды мало.

– Я понял. – Иракий встал, прощаясь. – Думаю, это реально.

Разговор происходил в субботу утром, а уже вечером Иракий заметил за собой слежку. И понял, что его надежды на то, что ЛООС – служба Российского легиона по ликвидации особо опасных свидетелей – не станет доводить свое дело до конца, не оправдались. Неудача с покушением на жизни бывших контрразведчиков в лесу ее не обескуражила, а просто заставила искать другие пути к цели. Хорошо, что я не женат, вспомнил слова Корнеева Иракий, вдруг понимая, насколько тот прав. Было бы намного труднее сохранить независимость и свободу маневра. Но мысль была одновременно и грустной: время уходило, менялись привычки, вечное движение уже не казалось нормальным образом жизни, все труднее становилось заставлять себя срываться с насиженного места, хотелось хоть изредка иметь возможность отдохнуть в уюте и покое и почувствовать рядом женщину... а может быть, и детей... пару сорванцов, к примеру.

Иракий улыбнулся этим неожиданным мыслям, но в кабинете он был не один и постарался принять соответствующий статусу генерала вид.

– Собирайтесь, – бросил он начальнику охраны офиса Евгению Никитину, – поедем в леспромхоз, посмотрим, в каком состоянии наше приобретение, можно ли на нем заработать.

Выехав из Бийска, он и обнаружил слежку: их потрепанный «УАЗ» сопровождал черный «Гранд-Чероки» с затемненными стеклами.

* * *

С него не требовали соблюдения церковных правил и законов общежития, а также не диктовали условий отношения к высшим служителям церкви, Корнеев сам избрал линию поведения с ними, основанную на уважении к сану и одновременно на отторжении какого-либо диктата над собой. Он так и сказал протоиерею Димитрию, на что этот молодой дюжий – косяя сажень в плечах – священник, отвечающий за охрану монастыря, ответил вполне в духе мирянина:

– Как бы ты ни поступил, человек, ты все равно будешь жалеть об этом. Во всем, что касается тебя лично, ты волен поступать так, как велит тебе твоя совесть, что же касается службы, ты можешь только советовать, как поступить, но не требовать немедленного исполнения приказов. Мы не солдаты, хотя многие из нас, занятые святым делом охраны сановных особ, прошли мирской путь войны. Среди нас есть даже бывшие офицеры спецназа.

– Я думал, буду такой один, – пробормотал Сергей.

Протоиерей улыбнулся.

– Я тоже когда-то был лейтенантом спецслужбы. Может быть, Господь специально дал мне такой путь, чтобы я стал полезен ему в будущем как защитник веры и церкви. Я понимаю, ты решился прийти к нам не от хорошей жизни, но не сожалей об оставленной части души, взамен получишь другую. Бог справедлив, он даст то, что ты заслужил.

– Почему-то раньше я этого не ощущал, – пробормотал Корнеев.

Беседовать с Дмитрием ему приходилось чаще, чем с другими монахами Дягилевой пустыни, иеродиаконем, архидиаконом и настоятелем-игуменом, которого он лицезрел лишь однажды, но ощущение монолитности, веявшей от духовной общины монастыря, от этого не уменьшалось. Каждый служитель как бы нес в себе силу остальных, и трогать его – означало будить эту скрытую силу, способную отреагировать не только смирением или словесным порицанием, но и физически, в материальном плане. Тем более непонятной для бывшего майора контрразведки была реакция церкви на некую опасность, заставившую ее создать особую полумирскую-полумонашескую службу защиты церковных объектов и охраны высших священнослужителей.

Во время визита к игумену монастыря отцу Иоанну Корнеев все же не удержался и напрямую спросил его об этом:

– Простите меня, святой отец, если я слишком любопытен, но мне до сих пор непонятна ваша суэта. Что угрожает церкви? Почему вы забеспокоились? В чем видите опасность?

Убеленный сединами отец Иоанн, пожелавший познакомиться с человеком, которого прочили в начальники службы безопасности Алтайской православной общины, благожелательно взглянул на Корнеева, но ответ дал странный, обтекаемый, требующий размышлений:

– Сын мой, опасность весьма велика, однако назвать ее конкретные приметы я не могу. Знаю одно: Сатана, – тут игумен осенил себя крестом, – решил подняться из ада к нам и пустил вперед свое воинство. Остальное ты обсудишь с теми, кто непосредственно занимается этими проблемами.

– Как же я смогу работать, не зная, кто покушается на... э-э, церковь? – пожал плечами Корнеев. – От кого я должен буду ее защищать?

– Атака Сатаны началась не сегодня и не вчера, а давно, когда образовались первые компьютерные сети. Мы тоже пользуемся этими изделиями ума и рук человеческих, но очень осторожно, каждый раз изгоняя из них дух нечистого. Тебе придется привыкнуть к этой процедуре, сколь бы смешной она тебе ни показалась.

– Не покажется.

– Тогда начинайте, благословясь, и да поможет нам Бог!

Игумен осенил крестом Сергея, и Дмитрий увел майора из кельи настоятеля. Затем началось знакомство Корнеева со службой, и тут ему пришлось убедиться в том, насколько основательно поставлена охрана у невоенных людей.

Отдел специального назначения Русской Православной церкви занимал в Бийске отдельный приход, то есть специально построенное двухэтажное здание, замаскированное под реставрируемую ветхую церквушку с черным куполом, в которой даже самый придирчивый взгляд не заметил бы ничего необычного. Мало ли таких церквушек реставрируется по Руси? На самом же деле внутри церковь представляла собой самый настоящий суперсовременный деловой центр, нашпигованный компьютерами, факсами, аппаратурой связи, телекамерами и электронными системами охраны тайны. Попасть в него можно было только при наличии специальной магнитной карты и дактилоскопической проверки, входов же в центр было восемь, причем шесть из них были подземными и начинались в полукилометре от него, замаскированные под разного рода хозяйственные постройки, магазины, другие церкви, конторы и склады.

Структура службы была многоуровневой и мало чем отличалась от структур действующих российских спецслужб. Она имела отделы анализа и обработки информации, разведки, контрразведки, исполнения поручений, дипкурьерской почты, связи, технического обеспече-

ния, выработки решений и этического воспитания. Отличалась эта секретная епархия церкви от родственных ей структур лишь наличием «департамента веры», то есть службы архимандрита, следящей за соблюдением церковных обычаев, и «святой инквизиции», играющей роль внутреннего политотдела. Занималась эта суровая организация выявлением «антихриста» в собственных рядах, по сути выполняя задачи внутренней контрразведки. Что подразумевалось под «этическим воспитанием», Сергей узнал гораздо позже. Ошеломленный размахом деятельности церковной службы безопасности, он долго не мог прийти в себя. До знакомства с ней он понимал, что задачи охраны священнослужителей должны решаться в нынешнее время достаточно современными методами, а главное, незаметно и эффективно, однако не представлял себе, насколько все это серьезно. Особенно его поразило техническое оснащение центра, включающее компьютеры последнего поколения и комплекс спутниковой связи.

Отец Димитрий (Сергей не сразу привык называть протодиакона, который был лет на семь моложе его, отцом) понимал чувства новоиспеченного главы отдела и не торопил с выходом на работу. Вдобавок оказалось, что он занимает здесь гораздо более высокий, чем в церкви⁶, пост главы отдела контрразведки. Но Корнеев не стал тянуть с приемом дел и уже на второй день после ознакомительной экскурсии занял свое рабочее место, напоминавшее монашескую келью и кабину космического корабля одновременно. К отцу же Димитрию он проникся таким доверием, что решился рассказать ему почти всю историю, происшедшую с ним и Ираклием в Жуковских лесах, закончив ее нападением ликвидаторов Легиона во время охоты в долине Чулышмана.

– Теперь они наверняка будут искать нас здесь, – добавил он, на что протодиакон с мягкой улыбкой ответил:

– Мы уже приняли кое-какие меры, пусть ищут.

– Так вы... знали?! – не поверил ушам Корнеев.

– Поскольку ты был кандидатом на протопресвитерскую должность...

– Какую?

– Начальник отдела спецназначения имеет сан прото-пресвитера, что примерно равняется чину полковника в мирских службах. Так вот, поскольку ты проходил проверку, мы должны были...

– Следить за мной?

– Божье око не следит за человеком, и мы должны подстраховываться. Прости, если это задевает твои чувства.

Корнеев гневно сдвинул брови, но подумал и успокоился.

– Это разумно, на вашем месте я сделал бы точно так же. Итак, вы изучили мое досье и проверили в деле...

– Иначе не пригласили бы. Что же касается твоих врагов, то они и наши враги, враги церкви, враги России. Все, кто будет работать с нами, работают не за деньги, не за коммунистическую или какую-то другую идею, и даже не во имя церкви, но во имя России. Вскоре ты убедишься в этом сам.

И Корнеев убедился, разбираясь в файлах персонального компьютера начальника отдела, скрывающих такие сведения о деяниях политиков и спецслужб страны, что волосы дыбом вставали на голове. Но все же более удивительной для Сергея оказалась не информация, а процедура «изгнания беса» из компьютера при каждом его включении.

Для этого действия всегда требовалось присутствие двух священников-монахов, один из которых, обладающий, наверное, большей духовной силой, должен был иметь сан не ниже архидиакона. Именно он начинал процесс «экзорцизма», обнося процессор, монитор и клавиатуру зажженной свечой (свеча должна была гореть рядом и потом, во время работы) и шепча

⁶ Протодиакон – третья ступень в иерархии священнослужителей после иподиакона и диакона.

молитвы. Затем он же, когда компьютер включался, осенял его крестом, в то время как второй монах бил поклоны и призывал светлые силы небесные «не пущать нечистого» в это «орудие человеческого ума». Самое интересное, что при этом происходило как бы мгновенное отключение компьютера от сети – экран мигал, индикаторы на «морде» процессора тоже, а потом по экрану сверху вниз пробегала ослепительная белая полоса, словно стирая следы чьего-то присутствия.

От этой процедуры у Сергея холодела спина, хотя ни во что сверхъестественное он не верил с детства.

– Объясни мне, святой отец, – сказал как-то Корнеев Димитрию, – кого вы изгоняете из аппаратуры? Вы что, всерьез верите, что там кто-то сидит?

– Пока еще нет, – без обычной улыбки ответил протодиакон. – Но на все достаточно мощные компьютерные сети наложена «печать Сатаны». Мы просто нейтрализуем ее, ставим нечто вроде духовного запрета на ее пути в наши машины. В противном случае то, над чем мы работаем, давно стало бы достоянием Сатаны.

– Что это за «печать»?

Димитрий задумался.

– Скажем так: это некая программа, виртуальная реальность, поддерживаемая эманацией нечистых сил. Войти в нее легко, выйти – очень трудно. Примером могут послужить современные компьютерные игры, в которые играют и молодежь, и старики, и зрелые люди по многу часов кряду, уходя из реальной жизни в псевдожизнь, эрзацбытие, губя здоровье и душу. Для того чтобы быть в курсе мировых событий, мы вынуждены пользоваться и телевизорами, и компьютерами, то есть современной техникой, страхуясь при этом от проникновения в наши умы и души чужих программ.

– Вы очень хорошо разбираетесь в современной терминологии, батюшка. Дань моде?

– Дань времени, брат мой.

– Но вы всерьез при этом считаете, что ваши молитвы и свечи не пустят этого самого... нечистого.

– Молитвы и свечи – лишь атрибутика веры, на самом деле каждый раз мы инициируем духовный потенциал верующих, так называемый эгрегор. Это – реальная сила. Но ты кое в чем прав, «печать Сатаны» наши молитвы снимают, а вот от атаки духовной самого нечистого не спасут. Над этой проблемой работают другие люди, в том числе и священнослужители. Нам же поставлена задача поскромней: не допустить проникновения к нам воинства Сатаны. В большинстве своем это обыкновенные люди, зомбированные с помощью некоторых технических систем, и придут они с невиданным оружием в руках, подавляющим волю, убивающим души.

– «Глушак»... – пробормотал Корнеев.

– Как ты сказал?

– Я имел в виду пси-генератор, разработчики называют его «глушаком». Мы столкнулись с ними в Жуковских лесах.

– Да, это и есть оружие Сатаны. Вернее, оружие первого уровня. Но есть и второго и третьего.

– Откуда вы знаете?

– Работаем, – улыбнулся отец Димитрий.

– И о Российском легионе знаете?

– Вся информация хранится в твоём компьютере, брат мой, знакомься. Планами и текущей работой займемся позже.

– А до меня кто был у вас начальником отдела?

– Он... ушел, – уклончиво ответил протодиакон.

– Погиб? – деловито уточнил Сергей.

– Нет, перешел на другую работу, или, как говорят, пошел на повышение. Он теперь в Москве, при патриархии.

– Так он священник?

– Нет. – Димитрий перевел разговор на другую тему, и Сергею оставалось только гадать, что за человек управлял церковным спецназом на Алтае и как ему удалось получить доступ к Московской патриархии.

В субботу утром он позвонил Федотову на его новое место работы:

– Ну как твоё ББ?

– Нормально, – ответил Ираклий. – Начинаем функционировать. А твоя «святая дружина»? В монахи ещё не постригся?

– Меня не возьмут, больно грехов много накопилось. Вот сделаю что-нибудь хорошее для паствы, может быть, часть грехов и сниму с души. Кстати, монахи действительно называют свой спецназ дружиной, только не святой, а тайной. Встретиться бы надо, полковник, поговорить, поделиться кое-какими впечатлениями и размышлениями.

– Наши приятели из Легиона в поле зрения не попадали?

– Пока нет. Я ведь на людях теперь почти не появляюсь, то в монастыре, то на работе. Квартиру пообещали выделить в скором времени, приглашу на новоселье. А ты ничего подозрительного не замечал?

– Тоже нет.

– Странно. Неужели они оставили нас в покое?

– Вряд ли, мы просто заставили их себя уважать. Боюсь, следующая атака будет посерьёзней.

– Ничего, справимся, мои монахи обещают помочь. Они тоже не в ладах с Легионом. Ну так как, где пересечёмся?

– Я вечером еду в Бийский леспромхоз, не хочешь развеяться на природе? Там и поговорим, и отдохнем, если повезет.

– Заметано. Где встретимся?

– В шесть на выезде из Бийска по Чуйскому тракту, сразу за строящимся мотелем. Я буду на белом «уазике».

– Что так слабо?

– Братство – не церковь, крутые машины позволить себе не может. До встречи.

Корнеев положил трубку, покосился на горящую на корпусе процессора свечу и углубился в изучение служебных инструкций, ограничивающих свободу действий спецназа применительно к церковной службе. Свои обязанности он уже знал, а также составил общий перечень проблем, которые надо было решить в первую очередь. Одной из них была проблема защиты в складывающихся условиях церквей, монастырей и храмов от проникновения на их территорию «шпионов» Сатаны, второй проблемой, может быть, по значимости превосходящей первую, была защита настоятелей приходов, духовных лидеров церкви от нападений «воинства Сатаны», вполне способного применить втихую пси-генераторы и аппаратуру зомбирования, с тем чтобы подчинить себе священнослужителей, а главное – духовный эгрегор церкви, заставить их служить своим целям. Это была задача из задач, таких церковный спецназ ещё не решал ни в центральном регионе, ни в провинции, и Корнеев чувствовал, что над ней придется здорово поломать голову. Церковь была доступна всем, и верующим, и преступникам, и проникнуть на её территорию агенту Легиона ничего не стоило, а как выявить в толпе верующих этого агента, не знал никто. В том числе глава контрразведки спецназа отец Димитрий. В том числе и Корнеев, от которого ждали если и не чуда, то весомой отдачи. Мысли у него кое-какие ворочались, но их прежде надо было обсудить с более опытным Ираклием, для чего Сергею и понадобилась встреча с бывшим полковником.

Впрочем, неплохо в самом деле было бы и отдохнуть, признался сам себе Сергей, голова которого распухла от обилия полученных за несколько дней сведений.

Они встретились, как и договаривались, за зданием мотеля на Чуйском тракте. С Ираклием в машине ехали двое спортивного вида парней, Корнеев прибыл в сопровождении четверки личных телохранителей на белой «Волге»; хотелось проверить спецназовцев-монахов в деле, а еще было приятно ощущать себя «боссом», особо важной персоной, от которой кое-что зависело в этом мире.

Сергей пересел в «уазик» Ираклия, поздоровался с пассажирами, и Федотов, пожав ему руку, сказал:

– Оглянись назад, только осторожно.

Корнеев слегка повернул зеркальце заднего вида, оглядел стоящие у мотеля и за ним автомобили, смекнул:

– «Хвост»?!

– Он самый, – невесело усмехнулся Ираклий.

– Черный «Гранд-Чероки»?

– Молодец, глаз у тебя наметан. Что будем делать?

– Самое простое – подойти и спросить, что за люди и чего им от нас надо. Однако они этого могут не понять, начнут нервничать, хвататься за оружие. Надо сделать это внезапно.

– Как?

– Со мной пятеро моих монахов из «тайной дружины», неплохо проверить бы их в деле. Езжай вперед, не очень быстро, я за тобой. Остановишься где-нибудь за поворотом и выйдешь из машины, якобы по малой нужде.

– А ты?

– Увидишь.

Корнеев сел в свою голубую «десятку», развернулся и уехал обратно в Бийск. За ним скрылась и «Волга» сопровождения.

– Поехали, – кивнул Ираклий водителю, примерно представляя, что будет делать майор.

«УАЗ» выехал за город, через десять километров свернул с трассы направо и углубился в начинавшиеся сосново-кедровые леса. Черный «Гранд-Чероки» остался возле мотеля, и Федотов уже подумал было, что их затея провалилась – наблюдатели решили не рисковать после встречи объекта со своим приятелем, но разочароваться ему не дали. «Наружка» ЛООС тоже работала профессионально, и за «УАЗом» Федотова пошла вторая машина, «Мазда» цвета серый перламутр, с четырьмя седоками внутри. Ираклий, увидев ее в зеркальце заднего обзора, сразу уловил принадлежность машины к спецслужбе.

Проехав еще пару километров, он остановился и вышел из машины в сопровождении одного из парней, разминая затекшие мышцы ног. Сошел с обочины в лес, постоял там немного и вышел обратно. Возле «УАЗа» уже хлопотал водитель, делая вид, что меняет колесо. Второй телохранитель Ираклия курил, прохаживаясь по разбитой бетонке.

– Сзади, за поворотом, – лаконично сказал он.

– Вижу, – отозвался Ираклий, еще из леса разглядевший просверк металла сквозь кусты: «Мазда» явно следовала за ними, потому что остановилась сразу же, как только остановились они.

Обещанных действий Корнеева пришлось ждать четверть часа. Ираклий уже решил было ехать дальше, как вдруг неподалеку раздался выстрел, другой, а через несколько секунд из-за поворота дороги вышел Сергей с пистолетом в руке и помахал рукой, подзывая полковника.

Водитель сдал «УАЗ» назад, до поворота, остановился у «Мазды», окруженной со всех сторон вооруженными молодцами в обыкновенной «мирской» одежде. С монахами их роднили только бородки, усы и длинные волосы. Это, вероятно, и была дружина церковного спецназа, подчиненная Корнееву.

– Кто стрелял? – вылез из машины Ираклий, кивнул на неподвижно сидевших в «Мазде» четверых мужчин в одинаковых темных костюмах. – Они?

– Нет, я, для острастки.

– Неплохо сработали.

– Не хуже наших парней. Между прочим, «Гранд-Чероки» приказал долго жить. Мы засекли их маневр, а у моих ребят случайно оказался с собой гранатомет.

– А если это были законопослушные граждане?

– У нас был еще лазерный сканер, тоже случайно, – Корнеев ухмыльнулся, – и кое-что из переговоров внутри машины удалось прослушать. Это Легион, полковник, то самое сволочное отделение по ликвидации свидетелей, и прибыло оно по наши души. Командир группы докладывал как раз кому-то о нашей с тобой встрече и запрашивал инструкции.

– Понятно. Выводите этих в лес.

Безмолвные «монахи» Корнеева по одному выдернули из кабины «Мазды» четверых ее пассажиров, не проявлявших почему-то особых признаков беспокойства, обезоружили их, отобрали документы и отвели поглубже в лес. Допрос начал сам Ираклий, просматривая одинаковые малиновые книжечки со знакомыми надписями: РЛ ЛООС. Все сидевшие в машине мужчины, двое молодых, двое постарше, имели одинаковые звания – поручик.

– Кто старший?

Молчание.

– Плохо со слухом? Кто старший группы?

Снова ни слова в ответ.

Ираклий хладнокровно достал пистолет и выстрелил в лоб крайнего пленника.

– Повторять вопросы больше не буду. Кто старший?

– Ну я, – выступил вперед слегка побледневший мужчина с мешками под глазами.

– Какое задание вы получили от начальства?

Работники наружной оперативной службы Легиона переглянулись. Ираклий снова поднял пистолет, и стоявший рядом старший группы торопливо заговорил:

– Вы в списках...

– В списках на ликвидацию?

– Так точно.

– Как вы нас вычислили?

– Я не знаю. Нам приказали лететь в Бийск, дали конкретный адрес...

– Скорее всего у них есть все наши данные, – проворчал Корнеев. – Адреса родственников, родителей, друзей. А это, в свою очередь, означает, что они имеют доступ к файлам конторы, в том числе кадровым.

– Это так?

– Не знаю. – Старший группы наткнулся на взгляд Ираклия и отшатнулся. – Да, руководство имеет доступ ко всем секретным материалам спецслужб. Но мы люди подневольные...

– Это уж точно, – усмехнулся Ираклий. – Волю вашу сломали давно, а потом еще и зомбировали. Хотя этого вы можете и не помнить. Проверяется же это легко. Кто давал задание ликвидировать нас? Быстро!

Губы поручика затряслись. Он побледнел еще больше, буквально до землистого оттенка, поднес руку ко лбу, и его вдруг словно пронизал разряд электричества: тело выгнулось дугой, глаза выскочили из орбит, лязгнули зубы. Он схватился руками за горло, захрипел и упал. Его напарники смотрели на своего вожака испуганно и в то же время подавленно, словно знали, что их ждет та же участь.

– Готов, – прокомментировал Корнеев. – Не жалеет генералитет Легиона своих солдат, в каждого программу самоуничтожения запикивает. Ничего они не скажут, Кириллыч, даже

если что и знают. Где ваша база?! – внезапно рявкнул он, ткнув пальцем в грудь одного из поручиков помоложе.

Тот вздрогнул, открыл рот, выдохнул:

– В Бар... – и тут же замолчал, будто в рот ему вбили кляп. Лицо парня стало серым, глаза остекленели, плечи опустились. Упал он на толстый слой сосновых иголок уже мертвым.

– Где – в Бар?.. – тем же тоном обратился Корнеев к последнему пассажиру «Мазды». – В Барановичах? В Барыкине? В Барвихе?

Молодой человек, оставшийся безучастным к судьбе товарища, не сказал ничего. Просто прижал руки к сердцу, пошатнулся и упал бездыханным. Его программа самоликвидации сработала быстрее, чем у остальных легионеров ЛООС.

Корнеев и Федотов постояли над трупами, помрачневшие и молчаливые, не обращая внимания на оперативников церковной дружины, явно потрясенных случившимся, и посмотрели друг на друга.

«Ты думаешь, нас после этого оставят в покое?» – вопрошали глаза Сергея.

«Вряд ли», – отвечали глаза Ираклия.

– Куда их? – вслух спросил Корнеев.

Ираклий задумался.

– Посадите всех обратно в их машину и отвезите отсюда подальше, километров за тридцать.

– Документы?

– Документы оставьте, а оружие заберите. «Глушаков» у них случайно нет?

– Я проверил, нет. Может быть, были у тех, кто ехал в джипе.

– Жаль, парочка пси-генераторов нам бы не помешала.

– Ничего, ликвидаторы нам сами привезут «глушаки», – пошутил Корнеев. – Настырные ребята, вряд ли останутся на достигнутом.

– И я так думаю. Видимо, простой обороной нам не отделаться.

– А лучшая оборона, как известно, – нападение. Пора вспомнить, чему нас учили, и браться за этот ЛООС основательно, с выходом на верхушку.

– Увы, майор, ты прав. Как и генерал Брусилов в свое время.

– Он тут при чем?

– Лет девяносто назад он произнес очень верные слова: «Правительства меняются, а Россия остается, и все должны служить ей по той специальности, которую выбрали».

– Наша специальность – контрразведка.

– Наша специальность – война! Война с врагами Отечества. А Легион с его лабораториями психотехники – именно такой враг и есть.

Они помогли спецназовцам Корнеева перенести погибших легионеров в их машину, один из парней сел за руль «Мазды», и Корнеев проинструктировал его, что надлежит делать. Потом сел в «УАЗ» Федотова, и они поехали в леспромхоз, занятые каждый своими мыслями. Корнеев думал о том, что его парни из «тайной дружины» зарекомендовали себя с самой лучшей стороны и что на них можно положиться, Ираклий же размышлял о том, что всякий героизм имеет пределы, а оценивается он по обыкновению лишь после смерти героя...

ОСТАШКОВ ВОРОБЬЕВ

Два дня он размышлял над предложением Родиона войти в состав команды «Психодав», но решения так и не переменил. Лида поверила в его желание стать семейным человеком, а не перекаати-полем, а дети вдруг как по команде стали звать его папой, и это обстоятельство предопределило дальнейшие шаги бывшего командира «мстителей». Он свое отвоевал. С другой стороны, чисто мирной жизни не получалось, мир был полон придурков, подонков и бандитов, время от времени пути их пересекались с дорогой бывшего майора Службы внешней разведки, и тогда приходилось сдерживать себя, чтобы ненароком не убить наглеца, хотя руки так и чесались ответить обидчикам «контраргументально». И все же ему дважды пришлось вмешаться в чужие разборки, внезапно затрагивающие как его личные честь и достоинство, так и честь, достоинство и независимость окружающих.

Впервые Панкрат вспылал, когда в одно из воскресений конца августа, взяв с собой семью в полном составе, отправился ранним утром на лодке деда Харитона на рыбалку.

Они доплыли до острова Кличен, который многие называли Клично и даже Ключно (от слова ключ), расположенного в трех километрах от набережной Осташкова, разбились на его южном берегу, в маленькой бухточке, палатку, но отдохнуть, насладиться красотой, чистотой и тишиной природы не успели. Только Панкрат закинул удочки с высокого бережка, поросшего травой, с удовольствием показывая снасти пятилетнему Антону, как вдруг послышался звук мотора, из-за юго-восточной оконечности острова вывернулся быстроходный катер и пристал к берегу рядом с рыбаками. На его борту находилось трое мужчин в ветровках, двое молодых и один постарше. Их лица и взгляды были неприятны, и Панкрат насторожился, внутренне собрался, хотя виду не подал: ничего противозаконного, по его мнению, он не делал.

– Эй, рыбачки, – окликнул его молодой мужик с буйной шевелюрой и «боксерским» перебитым носом, – собирай свои манатки и ухалевай отсюда, здесь останавливаться и ловить рыбу запрещено.

– Кем? – хладнокровно спросил Панкрат, делая успокаивающий жест Лиде.

– Запрещено, и все. Давай, не кобызись, залезай в свое корыто, и побыстрей, нам некогда.

– Документ покажи, – тем же тоном сказал Панкрат. – Что здесь запрещено останавливаться.

– Какой документ? – удивился второй парень, со шрамом на щеке и слегка косящими глазами. – Ты чо, русского языка не понимаешь? Сказано – выметайся, значит, выметайся.

– Панкрат, – тихо позвала его Лида, – давай уедем.

Но в душе Воробьева уже родился протест, хамов он терпеть не мог, а поскольку никакого криминала в своих действиях не видел, то и вел себя соответственно.

– Ребята, я не первый год живу на свете. Или показывайте документ, запрещающий здесь ловить рыбку и останавливаться на отдых, или плывите мимо.

Пассажиры катера переглянулись.

– Не понимает, – сказал «боксер».

– Придется показать документ, – отозвался его косоглазый спутник со шрамом, и они заржали.

– Полегче, – проворчал третий мужчина, в вязаной шапочке. – Загрузите их в лодку, и пусть плывут.

– Возьми детей и быстро к лодке, – сказал Панкрат Лиде, так, чтобы не было слышно с катера. – Там под одеялом на дне...

– Я знаю, – поняла Лида, хватая Антона и Настю за руки.

Панкрат взял с собой на всякий случай помповое ружье, и она это видела.

Мужики вылезли на берег, разминаясь, двинулись к Панкрату, и по их движениям и позам он понял, что они вооружены. Дело приобретало нежелательный оборот, к тому же сильно сковывало инициативу присутствие жены и детей, но и отступить не хотелось. Причин, по которым эти пришельцы пытались выгнать рыбаков с острова, Панкрат не видел. Если бы его попросили вежливо, он скорее всего согласился бы и отвез семью на берег, повыше Осташкова, теперь же его отношение к гостям изменилось.

– Так чо ты хотел? – подошел ближе буйноволосый «боксер», демонстративно потирая кулак. – Документ? – Он сделал ударение на слог «ку». – Вот тебе документ. – Он выхватил из-под куртки пистолет, вернее, револьвер (отечественный «кобальт» калибра 9 миллиметров). – Ну как, нравится?

– Нравится, – кивнул Воробьев и прыгнул к парню, явно не ожидавшему нападения.

Револьвер взмыл в воздух, точно подбитый снизу «пиковым валетом» – так назывался удар по запястью ребром ладони сверху вниз и одновременно удар коленом по кулаку с оружием снизу вверх, – а «боксер», крутанувшись вокруг оси, потерял равновесие и свалился с берега в воду.

– Ах ты, б...! – с изумлением выматерился второй молодой человек. – Совсем оборзел?! – Он медленно потянул из кармана ветровки рукоять пистолета, но воспользоваться им не успел.

Со стороны лодки раздался выстрел, в ствол ближайшей сосны звучно шлепнулся заряд дробы. Парень вздрогнул, от неожиданности выпуская пистолет. Панкрат обернулся.

Возле лодки стояла Лида и целилась в парня из помпового ружья. В ту же секунду, заметив движение третьего гостя, – быстро ориентируется, гаденыш! – Панкрат нырнул вниз, подхватил лежащий в траве револьвер и, еще не встав на ноги, выстрелил в борт катера.

– Сидеть!

Пожилый мужчина в шапочке замер.

– Руки!

Пожилый вытащил руку из-под мышки, где у него в кобуре, очевидно, был спрятан пистолет. Панкрат попятился к своей лодке, держа катер под дулом револьвера, взял у побледневшей, но решительно настроенной жены ружье, направил ствол на парня со шрамом:

– В катер!

Тот, ошеломленный неожиданным финалом сцены, закрыл рот и повиновался без слов. Не стал ждать приглашения и вымокший «боксер».

– Убирайтесь!

– Ты понимаешь?.. – начал было косоглазый.

– Заткнись! – оборвал его мужчина в шапочке, внимательно разглядывающий Воробьева. – Пушку-то верни, малый.

Панкрат разрядил револьвер, молча бросил его в катер.

– Мы тебя найдем, – пообещал пожилой.

Панкрат потемнел.

– Я постараюсь найти вас сам. Человек я мирный, но всегда готов ответить соответственно. Если со мной разговаривают уважительно, я понимаю, если с помощью кулака и пули, я сатанею. Этот остров не является чьей-то частной собственностью, а если является – предъявите подтверждение. Мы бы тут же ушли.

– Откуда ты такой взялся, законник? – усмехнулся пожилой.

– Специально выписали, чтобы отрезвлять таких, как вы, – усмехнулся в ответ Панкрат.

Катер затарахтел мотором, сдал назад, развернулся и ушел за мыс. Лида и Панкрат смотрели на озеро и прислушивались к затихающему треску, пока не стало тихо. Глянули друг на друга, на детей, которые, весело лепеча, как ни в чем не бывало возились в лодке. Выстрел их ничуть не испугал.

– Кто это был? – тихо спросила Лида.

– Фиг их знает! – покачал головой Панкрат. – Вероятнее всего, местные рэкетеры, контролирующие туристский бизнес. Я тебе рассказывал случай с директором турбазы.

– Поехали домой.

Панкрат обнял жену, поцеловал в нос.

– Они больше не сунутся. Где ты научилась стрелять?

– Или я не в лесах родилась? – через силу улыбнулась женщина. – Еще среди моих детских игрушек были патроны и гранаты, найденные на местах боев и разряженные отцом.

– Воин ты мой курносый...

Полноценного отдыха в тот день так и не получилось. Лида боялась за детей, и через час они уплыли с острова на западный берег Селигера, за Америку, как называли северный «деревянный» район Осташкова, где стоял и дом Воробьевых.

Второй раз чашу терпения Воробьева переполнили слезы старушки на центральном городском рынке.

Он с Лидой приехал туда пораньше, чтобы купить овощей, картофеля и фруктов для детей, и сразу обратил внимание на двух нагловатого вида парней, обходящих торговые ряды. Они подходили к продавцам, что-то говорили, и те торопливо совали парням какие-то свертки и деньги. Панкрат понял, что это представители «хозяина», контролирующего рынок, которые собирают дань со всех торгующих, невзирая на их пол, возраст, а также на вид продукции. В принципе, ничего диковинного в этом не было. Воробьев отлично знал, что практически все рынки во всех городах России поделены между мафиозными группировками, и вмешиваться в «работу» сборщиков дани не собирался, однако его взгляд вдруг зацепился за лицо старушки в крайнем ряду, и у Панкрата екнуло сердце. Старушка была седая, сморщенная, сухонькая и маленькая, про таких говорят – божий одуванчик, и по ее лицу непрерывно текли слезы. Панкрат посмотрел в ее выцветшие прозрачно-голубоватые глаза и прочитал в них такую тоску и безнадежную покорность судьбе, что невольно подошел.

– Что случилось, бабушка? – участливо спросил он, оглядывая ее старенькое платьице, такой же платок и нехитрый товар – литровую банку брусники.

Старушка продолжала глядеть перед собой, словно не услышала вопроса. Только достала платок и промокнула глаза.

– Да ничего не случилось, – понизив голос, проговорила женщина помоложе, продающая яблоки и сливы, возле которой и пристроилась старушка. – Вон, вишь двух лоботрясов? Хошь торговать – плати десять рубликов за место. А есть навар, нет навара, их не интересует. Она от продала две банки, и что опосля останется? Я им – бабку пожалейте, не трогайте, а они... – торговка махнула рукой.

Панкрат еще раз заглянул в глаза старушки, проглотил ком в горле, сказал Лиде: постой здесь, – и догнал сборщиков.

– Эй, уроды, – окликнул он их в спины.

«Уроды» оглянулись.

– Верните бабке червонец, побойтесь бога. Вы не обеднеете, а ей эта десятка на вес золота.

Парни переглянулись, обменялись ухмылками.

– Ты чего, мужик? – сказал один из них, картинно поиграв бицепсами. – С утра нажрался, что ли? Иди отсюда, пока ноги целы!

Продавцы и покупатели, снующие между рядами, притихли.

– Пожалейте стариков, собаки, – попытался достучаться до совести рэкетиров Панкрат, чувствуя, как кружат голову ненависть и гнев.

– Да пошел ты!..

Панкрат заметил еще двух мордovorотов у входа на рынок, глядящих в его сторону, однако решил идти до конца. Сказал проникновенно:

– Ведь надо же разбираться, сколько с кого драть. Старух-то хотя бы не трогали.

– Не, он совсем ох...л! – хлопнул себя по ляжке один из сборщиков. – Вова, поговори с бобиком...

Палец Панкрата, воткнувшийся парню в солнечное сплетение, заставил его замолчать и согнуться. Второй удар и ударом-то назвать было нельзя: Панкрат просто дал звонкую пощечину напарнику пострадавшего и особым приемом перехватил его руку, заставив присесть. Так, в полуприседе, и повел его к старушке, боковым зрением отмечая движение второй двойки рэкетиров. Но несколько секунд у него еще было.

– Отдай деньги, – ласково сказал он парню, глазами показывая Лиде, чтобы она отошла в сторону.

– У-у-у... – ответил бандит.

Панкрат ослабил хватку.

– Больно? Плати, и отпущу.

Парень достал из кармашка рубахи пачку десятирублевков, Панкрат вынул из пачки две купюры, отдал старушке, во все глаза смотревшей на него.

– Бери, бабуля. Это презент от руководства рынка.

– Да что ты, сынок, мне чужого не надо, – перекрестилась старушка, – не приучена я брать чужое-то...

– Это не чужое, это твое. Где бруснику собирала? Не на Хачине, случайно?

– Там, соколик, там, с Волоховщины я...

– Что тут происходит? – раздался сзади начальственно-снисходительный, с угрожающими интонациями, голос.

Панкрат обернулся. На него смотрели еще двое молодых людей, неуловимо схожих с первой парой: те же «прикиды» – брюки и рубахи с паучьей символикой, та же неряшливость в одежде, та же печать превосходства, спеси и наглости на лицах.

– А вам какое дело? – осведомился Панкрат агрессивно, зная, что подобные типы уважают лишь силу и воинственность.

Парни переглянулись. В толпе рынка, на глазах у десятков людей, они действовать не привыкли и с явным отпором, наверное, еще не встречались.

– Это наши кореша, – сказал один из них, кивая на парня, которого держал Панкрат. – А ты кто?

– Я мститель, – усмехнулся майор. – Специалист по «мокрым» делам. Еще раз увижу, что вы пристаёте к старикам и старухам, требуя с них мзду, изуродую всех. Как поняли?

Молодые люди снова переглянулись, пребывая в некоторой нерешительности. Насмешливо-презрительный уверенный тон незнакомца, владеющего, судя по всему, каким-то видом борьбы, подействовал на них впечатляюще.

– Да ладно, братан, отпусти его, – миролюбиво сказал тот, что держал руки в карманах, с серьгой в ухе. – Работа у него такая.

– Это не работа, – покачал головой Панкрат. – Вот они, кто торгует, работают. Бабуля небось полдня спину гнула, ягоды собирала, а эта шваль последнюю копейку норовит отнять.

Он отпустил парня, и тот, придерживая кисть вывернутой руки, шмыгнул за спины дружков.

– На вас пахать можно, – продолжал Панкрат, – а вы над людьми издеваетесь. Проваливайте, пока я не свистнул своих коллег.

Никаких «коллег», естественно, он позвать не мог, но эти гориллы вряд ли способны были допустить, что так нагло действующий мужик ходит один.

– Ты не местный? – спросил парень с серьгой.

Панкрат молча повернулся и медленно двинулся к последнему навесу рынка, где его ждала волнующаяся жена.

– Ты больше сюда не приходи, – посоветовали ему в спину, – не то случится чего. Базар этот наш.

Панкрат не ответил. Запал его прошел, взывать к справедливости этих рыночных шакалов было бесполезно, а доводить ситуацию до нового мордобоя не хотелось. Бандиты не перестали бы считать территорию рынка своей собственностью...

Не только рынки города, но и весь Осташков действительно был поделен между криминальными кланами, не терпевшими ущемления своих интересов, и честному человеку либо следовало мириться с их диктатом, либо уезжать, либо начинать партизанскую войну. Душа Панкрата бунтовала против любого из этих вариантов, но постепенно приближалось время выбора, и случай в спортзале, происшедший спустя два дня после визита Родиона, заставил Панкрата задуматься над тем, как жить дальше.

Он провел занятия по тактике оборонных действий с молодыми бизнесменами города, потом остался на тренировку с охранниками офисов и квартир и телохранителями особо важных особ и освободился только поздно вечером, в начале одиннадцатого, чувствуя себя отчего-то как выжатый лимон.

Оставшись один на освещенной площадке с ковром татами – друзей у него не появилось, хотя со всеми учениками он старался поддерживать добрые отношения, – Панкрат заставил себя позаниматься еще десять минут, прислушиваясь к голосам ребят из раздевалки и душевой, потом собрал тренировочный «инструмент»: палки, скакалки, металлические прутья, обрезки труб, цепи, крышки от кастрюль, карандаши, гайки, болты, бутылки, – все то, что могло послужить оружием в реальном бою, – сложил его в тренерской комнате и вернулся в зал, чтобы выключить свет. И внезапно почувствовал ток холодного воздуха вдоль позвоночника: интуиция подсказывала о появлении опасности.

Сзади щелкнула, закрываясь, дверь зала, на фоне стены обрисовался светлый контур человеческой фигуры. Панкрат отступил к шведской стенке с висящей на канате макиварой. Тотчас же из углов зала выступили еще четыре массивные человеческие фигуры, приблизились к освещенному панелями кругу. Свет заиграл на цепях, кастетах и резинометаллических дубинках. Тот, что стоял у двери, вышел вперед. Он был в белом костюме, с тростью в руке, но его Панкрат видел впервые.

– Тебя предупреждали, – сказал он, белозубо улыбаясь. – Пора платить. Мы тебя не уьем, покалечим маленько. А потом ты уедешь из города, нам инструкторы по самбо не нужны. Не уедешь – доберемся до жены и детей.

Господин в белом поднял вверх трость, что послужило сигналом к нападению. Ближайший из гостей, мощный, как штангист-тяжеловес, в рубашке с короткими рукавами, буквально лопавшейся на выпуклой груди, шагнул к Воробьеву и ударил его дубинкой.

Однако Панкрат уже был готов к такому повороту событий и хотя и с трудом (сил за хлопотливый день он истратил немало), но перевел себя в состояние боевой готовности. Дубинку он пропустил мимо плеча, повернувшись вокруг оси, ногой сбил гиганта на колено и, заканчивая «круг нейтрализации», нанес рубящий удар ребром ладони по мощной шее «штангиста». Тот беззвучно рухнул на татами, так что вздрогнул пол зала.

Тотчас же к Воробьеву бросились еще двое верзил, один с цепью, второй с дубинкой и кастетом. Панкрат выхватил у первого поверженного бойца его дубинку и нырнул под удар цепи; прием назывался риусуй («водяной дракон»), и парни противоядия от него не знали. Пока они разворачивались, Панкрат успел перетянуть дубинкой одного по спине, второго по колену, а затем, не дожидаясь атаки, перешел в нападение сам. Неожиданно сделал заднее сальто и с лёта ударил парня с дубинкой по руке, ломая кости запястья.

Раздался вскрик. Парень отскочил в сторону, прижимая травмированную руку к груди. Не давая опомниться его напарнику, чувствуя спиной приближение последнего противника, Панкрат увернулся от цепи, мгновенно уцепился за ее конец, но лишь для того, чтобы дернуть на себя, и тут же ударил дубинкой по вытянутой руке верзилы, разбивая в кровь кулак. С криком отступил и этот боец. Оставался еще четвертый, но он рисковать не захотел и показывать мастерство фехтования на дубинках не стал, просто метнул издали, с расстояния в восемь метров, одну за другой три звездочки сякэнов. Но поскольку Панкрат ожидал нечто подобное и владел искусством отбивания летящих предметов – в японских видах боевых искусств оно имело название тотоку хиеси, в русских видах русбое, барсе и суеве – пропеллер, – он ловко поймал все три звезды на дубинку. Они воткнулись и застряли в ней. Мысль воспользоваться ими тут же была приведена в исполнение, и звезды отправились обратно. Одна из них попала метателю в плечо, вторая в руку, и на этом «показательные выступления» четверки качков закончились.

Панкрат повернулся к гостю в белом костюме и едва успел отклониться: с тихим свистом у виска пролетел нож, воткнулся в макивару. Второй оцарапал Воробьеву плечо, а третьего – хорошо кидает, гад! – Панкрат ожидать не стал, метнул в джентльмена с тростью дубинку и прыгнул к нему сам.

Выстрелить гость не успел, хотя уже вытащил пистолет.

В дверь кто-то забарабанил кулаком, раздался голос сторожа:

– Панкрат Кондратович, что у вас за шум? Вы еще занимаетесь? Откройте.

– Уходим, – коротко сказал мужчина в белом костюме, пряча пистолет. – Везет тебе, инструктор. Договорим в следующий раз.

Четверка побитых качков во главе со своим атаманом канула в темноту спортзала, скрипнула дверь второго выхода – через котельную, и все стихло. Панкрат повернул ключ, впуская сторожа. Тот заглянул в зал, ничего особенного не заметил, поскреб в затылке.

– Надо же, никого, а мне показалось, что ты с кем-то разговариваешь.

– Если кажется – креститься надо, Федотыч, – улыбнулся Панкрат. – Это я сам с собой разговаривал, и шумел тоже я, тренировался по особой технологии. Должен же я держать форму?

– А-а-а, – уважительно протянул сторож. – Ну тогда конечно.

Потоптавшись на месте, он ушел. Панкрат вытащил из лопнувшей макивары нож, подобрал второй у стены, полюбовался на зазубрины, превращавшие ножи в пилки, покачал в руке, чувствуя хорошую балансировку холодного оружия, и положил их в сумку. Оружия у него хранилось предостаточно, однако таких ножей не было, а пригодиться они могли в любой момент.

Лиде об инциденте в спортзале он ничего не сказал. Зато перестал отпускать ее одну на работу и по магазинам, памятуя угрозу неизвестного джентльмена в белом костюме. Этот человек был очень похож на первого коричневолицего посетителя с тростью, представлявшего кого-то из местных «авторитетов», которому не понравилась деятельность руководимой Воробьевым Школы выживания, однако того Панкрат запомнил слишком хорошо, чтобы спутать с этим. Сомневаться не приходилось: кому-то хотелось обставить этот визит таким образом, будто местные бандиты еще раз решили навестить строптивного наставника Школы. Однако для чего это им понадобилось, догадаться было трудно.

Перестав ломать над этой проблемой голову, а также не заметив за собой никакой слежки, Панкрат снова окунулся в водоворот дел и несколько ослабил опеку над семьей. Детей он контролировал сам, привозил в школу-сад и увозил, а вот Лиду стал страховать через раз и опомнился, когда во вторник снова подала голос интуиция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.